D
308
.T317

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Politicheskaia kartina Evropy.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

КАРТИНА ЕВРОПЫ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1805 ГОДА.

и первыхъ трехъ мѣсяцовъ 1806 года.

Писанная

ГРАФОМЪ ДЕ С....

Переводъ съ Французскаго.

Въ Санктпетербургѣ,

въ Императорской Типографіи 1806 Года.

Д308
Т317

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

20584
206

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

КАРТИНА ЕВРОПЫ.

130

Ежели миръ есть то благодѣтельное состояніе, которое каждаго оставляетъ при своемъ правѣ, погашаетъ ненависть, истребляетъ честолюбивыя намѣренія, внушаетъ довѣренность, даетъ жизнь властямъ, и свободной ходъ торговлѣ, то состояніе, въ которомъ процвѣтаетъ земледѣліе, и національной характеръ каждаго народа споспѣшествуетъ его благосостоянію; то Европа давно не наслаждалась миромъ.

Но ежели миръ есть остановка непріятельскихъ дѣйствій, наружное спокойствіе, во время котораго бдительность засыпаетъ, а честолюбіе бодрствуетъ; тогда подлинно должно согласиться, что послѣ Аміенскаго трактата, могли только ожидать, сихъ ложныхъ пріятностей подобнаго мира.

Почему Европа обманулась сей эпохой! Потому что она худо обдумала

важную причину, остановившую ея движеніе, и не предвидѣла желаній того человѣка, которой даровалъ ей минутной покой.

Аміенскимъ миромъ счастіе Французской республики было устроено, ежели можно воспользоваться симъ выраженіемъ, а счастіе Бонапарта только началось; въ теченіе десяти лѣтъ Европа хотѣла обуздать безуміе Французовъ; но успѣхъ ихъ оружія затмилъ ихъ проступки; и желанія Франціи исполнились.

Сколь ни очевидна была непрочность образа правленія, но не входило болѣе въ политику Государей то, что бы почитать себя посредниками онаго; и представили честолюбію и удобностямъ сей политики все то, что могло вывести ихъ изъ сего спокойнаго состоянія, искренно ею обѣщаемаго.

Пожертвованія, на которыя Государства въ тогдашней войнѣ съ Франціею согласились для изкупленія мира, были бы способны утвердить его незыблемость, ежели бы въ сію Эпоху Франція сдѣлалась снова той почтенной Монархіею, въ коей участіе Государя не могло никогда отдѣлиться отъ общаго участія; но какъ нельзя объять всей обширности дѣлъ, то кабинеты видѣли только одну наружность и не предузнали существенныхъ слѣдствій. Удовлетворя тщеславію Государства, которое означало себя еще въ своихъ трактатахъ, полномочные Ми-

нистры думали, что уже совершенно удовольствовали всему, и не примѣтили, что сами положили они первой камень зданія, возвысившагося по томъ до облаковъ.

Чего не доставало Франціи послѣ присоединенія десяти провинцій, которыя умножили ея населенія пятою долею, обезпечили на долгое время цѣлость ея границъ, и поставили ее между малыми государствами, долженствующими уступать ея политикѣ? Ничего! Чего не доставало человѣку, которой ею управляетъ? Всего еще!..

Какъ Франція не имѣла ничего болѣе къ своему завоеванію, то Европа почитала себя спокойной, и Бонапарте долженствующій утвердить свое могущество, распространить Имперію и возстановить свою фамилію, перебиралъ уже въ своей головѣ тѣ обширныя намѣренія, которыя должны были навлечь войну; между тѣмъ большая часть кабинетовъ покушались еще надѣяться о возвращеніи существеннаго спокойствія. Да и подлинно, кто нарушилъ сіе спокойствіе? Не народъ ли, у котораго счастіе исторгнуло тягостной миръ? Нѣтъ! но человѣкъ, котораго сей миръ оплекъ очень далеко отъ цѣли, коей онъ мнилъ уже достигнуть.

Тридцать милліоновъ человѣкъ обольщенныя достоинствами и счастіемъ сколько не провозглашай того дароваѣелемъ мира Европѣ, которой повергъ ее въ пламя: но надобно будетъ чтобъ тридцать

миліоновъ голосовъ молчали нѣкогда предъ однимъ ..... голосомъ истинны.

Естьлибъ дѣла не говорили еще громче газетъ, то кто бы приступилъ къ той чрезмѣрной тягости похвалъ и обожаній, подъ которой сія истинна находится почти погребена. Кто бы тогда осмѣлился спросить: почему начертавшій Люневильской трактатъ и заставившій подписать Аміенской миръ, не хотѣлъ по оному исполнить ни одного главнѣйшаго условія; естьлибъ Піемонтъ не былъ соединенъ потомъ съ Франціею; Парма и Піаченца не отнята у дома Бурбоновъ, три верховныя правителя Французской республики не изчезли подъ честолюбіемъ одного; естьлибъ сей первой Консулъ не объявилъ самъ себя Императоромъ; и сей Императоръ не захотѣлъ быть еще Королемъ другой страны, Генуа не была принуждена отдаться въ его руки; естьлибъ наконецъ числа, сіи нетлѣнные свидѣтели Исторіи, не доказывали ежедневно быстроты всѣхъ сихъ перемѣнъ; и Европа не видала Бонапарта похищающаго провинціи изъ самыхъ нѣдръ мира, и дѣлающаго болѣе завоеваній перомъ, которое подписывало конституціи, присвоенія, союзы, и трактаты, нежели шпагой, которой хотятъ воздвигнуть храмъ; кто бы тогда могъ сражаться съ такимъ множествомъ мнѣній, счастіемъ произведенныхъ и увеличенныхъ, и осмѣлился чрезъ сіе торжество и удачливость доказать,

до какой степени простирается честолюбіе, которое воспламенивъ войну теперь хочетъ начертать миръ.

Перьвое основаніе, на которомъ должны быть утверждены трактаты, есть взаимное признаніе дѣйствительной силы каждой изъ двухъ договаривающихся державъ. Держава умножающая или перемѣняющая свои политическія средства разрываетъ первая согласіе, нарушаетъ миръ и освобождаетъ отъ обязательства чрезъ сіе нарушеніе, своего союзника, соединеннаго съ нею только посредствомъ условій, которыя съ сего времени не существуютъ болѣе.

Ежели сіе положеніе политическаго права всѣми признано, такъ кто въ свѣтѣ можетъ отрицать, что бы Аміенской миръ не былъ нарушенъ Франціею въ самую минуту подписанія.

Англія не изъясняющаяся довольно о судьбѣ Италіи, не думала однако, чтобы единая черта сдѣланная перомъ утвердила соединеніе Піемонта; и не оказывая желанія вмѣшиваться въ образъ правленія Франціи, ей дозволено было надѣяться, что конституція еще Демократическая въ своихъ началахъ, не будетъ прежде двухъ лѣтъ утверждена во всѣхъ образованіяхъ сильной и незыблемой Монархіи.

Бонапарте едва переставъ побѣждать шпагой, какъ Дипломатическое перо его Министра начало дѣлать родъ побѣдъ не столь блистательныхъ, но существеннѣй-

шихъ: положася на Аміенской трактатъ разпустили войско, въ Англинскихъ портахъ, когда уже повѣренныя Французской политики вооружили все то, что Махіавелизмъ имѣетъ коварнѣйшаго. Мечь пересталъ похищать, но страхъ производилъ насильныя завладѣнія, и Мальта долженствовала быть отдана на сохраненіе въ весьма слабыя руки, когда Сенп-Жемской кабинетъ примѣтилъ, что благоразуміе поставляетъ ему въ законъ не упустить единаго Аманата ему оставшагося.

Морская война была тогда предпринята, независимость торговли была къ тому предлогомъ. Экспедиція предпріятая въ Голандію, и прикрытая тайными умыслами, возмутила справедливо Англію; деспотизмъ принимаемый Французскимъ правительствомъ на твердой землѣ, опровергалъ власть Англичанъ на моряхъ; Франція угрожала, Англія опасалась скрытыхъ ударовъ, и чтобы избавишься отъ безпокойства она напала первая. Нарушеніе человѣческихъ правъ въ путешественникахъ, задержанныхъ въ Парижѣ, старинное національное отвращеніе, чувствованія, болѣе принужденныя, нежели утушенныя, довершили остатокъ; и Бонапарте, котораго двадцать неизвѣстныхъ поэтовъ спѣшили провозгласить Британикомъ, поѣхалъ въ Булонь какъ другой Калигула, увѣдомить сего самаго Албіона, коего искусное правленіе

презрѣло страхъ, о соединеніи своихъ частей именемъ опасности своего отечества.

Таково было положеніе Европы при началѣ 1805 года, когда главныя державы были принуждены принять участіе въ ссорѣ, на которую они уже не могли взирать иначе какъ съ живѣйшимъ безпокойствомъ. По Французскимъ бумагамъ и ихъ дипломатическому языку, начальникъ правительства сражался только за свободу морей; но по смыслу разсудка, не могли смотрѣть безъ страха на сраженіе, которое ежели бы окончалось открытіемъ Франціи дороги въ объ Индіи, разорвало бы на всегда равновѣсіе, которое имѣли еще надежду сохранить.

Приверженныя свято ко всѣмъ трактатамъ сіи великія державы, видѣли однакожъ въ молчаніи войну столь важную, когда существенныя завоеванія наконецъ открыли глаза.

Сколько не было предъ глазами многихъ людей походовъ и побѣдъ орошенныхъ кровію, кои суть единыя доказательства вражды, могущей прервать согласіе двухъ государствъ; но мы не будемъ стараться опровергнуть подобное заблужденіе тѣхъ людей, которые почитаютъ присвоеніе земли за похищеніе, соединеніе провинцій за завоеванія; мы представляемъ наши истинныя замѣчанія.

Ежели Европа думала утвердить свое спокойствіе родомъ Салвегвардіи Аміен-

скаго мира, то сія Салвегвардія не существовала уже болѣе съ той минуты, какъ начальникъ Французскаго Государства предпринялъ соединеніе всѣхъ властей. Пусть судятъ о безпокойствѣ долженствующемъ произойти отъ непрерывныхъ угрозовъ, завладѣній, союзовъ, требованія титловъ, что все вдругъ обнаружилось съ безпримѣрной быстротой въ историческихъ лѣтописяхъ.

Бонапарте не хотѣлъ войны, ежели надобно относиться ко всѣмъ симъ рѣчамъ, гдѣ хвала какъ неизчерпаемой ядъ, казалось, безъ мѣры изливалась; онъ не старался побѣждать; ему довольно было властвовать.

Какъ Императоръ, Король, побѣдитель, законодатель, раздаетъ короны, но ничего не хочетъ перемѣнять на поверхности земли, и ежели онъ помѣщаетъ въ одинъ сосудъ Европейскаго равновѣсія около восьмидесяти милліоновъ людей, которыми онъ управляетъ по своей волѣ; то все еще увѣряетъ, что болѣе нежели когда нибудь онъ уважаетъ равновѣсіе; но кто можетъ согласить столько противурѣчащихъ идей, и несправедливыхъ требованіи въ головѣ столь обширной своими понятіями, какъ и счастливой средствами исполнять оныя? Однимъ словомъ!....

Правильная система прилична Монархамъ, коихъ могущество согласно съ общей политикой; но испровергающая си

стема можетъ только принадлежать такому завоевателю, коего гигантическое счастіе сдѣлалось политическимъ наказаніемъ. Похититель царства не можетъ желать твердаго порядка вещей, ибо онъ только чрезъ хаосъ можетъ распространять свое благополучіе; и Европа должна была ожидать только смѣшенія мира и войны, нарушенія трактатовъ и разрыва союзовъ; потому что на сихъ токмо развалинахъ можетъ возсѣсть завоеватель и утвердить свою фамилію.

Бонапарте не могъ наблюдать долго мира, ибо оной былъ бы только продолжительною отсрочкою какъ извѣстныхъ уже, такъ и еще будущихъ его требованій; привелъ бы его честолюбіе въ нѣкоторой родъ бездѣйствія, для него несноснаго, и ежели нужны два или три года на утвержденіе посредствомъ мира своихъ химеръ, его счастіемъ ободряемыхъ то онъ имѣетъ нужду не менѣе того снова погружать себя войною въ сіи обширныя политическія мечты, которые его счастіе преваща етъ всегда въ злосчастную дѣятельность.

Бонапарте засѣваетъ, начиная войну; и собираетъ жатву когда заключаетъ миръ; такимъ образомъ системой двухъ роль, завоевателя и миротворца, онъ пожинаетъ все то, что предъ нимъ повергается, и разитъ все ему сопротивляющееся; онъ прививаетъ свою фамилію

къ вѣтьвямъ древнихъ, имъ обрубленныхъ деревъ.

Франція пребываетъ непремѣнно въ своемъ землеположеніи, повторяли тысячу писателей, которые утверждали свое мнѣніе въ Европѣ только потому, что никто не хотѣлъ имъ отвѣчать. Послѣ Аміенскаго мира, говорили они, она ничемъ не завладѣла, перемѣнила одну свою конституцію, приняла достоинство, котораго ея могущество, давало ей право требовать.... А кто, кто образуетъ въ своей конституціи Францію? Сей чрезвычайной человѣкъ ею управляющій не имѣетъ ли въ томъ необходимаго участія?

Когда его честолюбіе алчетъ и беретъ, то Фравція не устремляется ли также съ нимъ на жертву имъ хватаемую? И когда бы мнимое приняпіе Генуи не было однимъ изъ сихъ нарушеній, на которое безсовѣстіе не думало даже отвѣчать; но кто покрайней мѣрѣ можетъ отрицать съ того времени, какъ выгоды Французской Имперіи съ выгодами Италіянскаго Королевства вмѣщены въ одной головѣ, что не существуетъ болѣе другихъ границъ между сими двумя государствами, какъ воля того кто ими владѣетъ.

Англія, раздавалось всюду эхо, воспламенила войну на твердой землѣ предложеніемъ вспомогательныхъ денегъ, подкупила непріятелей и разлила кровавые потоки; она хотѣла отвратить угрожаю-

щій ей источникъ; для одной только ея Россія, Австрія и Швеція подняли оружіе; между тѣмъ, какъ истинныя выгоды Австріи требовали соединиться съ тѣмъ, кто сражался только за свободу торговли, и благоразуміе Россіи не должно было вовлекать ее въ мечтательную войну.

Мечтательную войну! Но кто когда либо видалъ соединеніе столь важныхъ причинъ къ началію законной войны. Послѣ Вестфальскаго мира, сей коммерческой дѣятельности, которая сближаетъ всѣ государства; Европа не была ли, ежели смѣю изъясниться такимъ образомъ, самовластною республикою; и не заводя моральной рѣчи, не спрашивая до какаго пункта Государи какъ для чести своихъ коронъ, такъ и для выгоды ихъ силъ, могли остаться равнодушными къ несчастіямъ, обременяющимъ государства; легко можно найти въ самомъ свойствѣ дѣлъ необходимость подобной войны. Но прежде нежели представимъ оправданіе въ которомъ С. Петербургской кабинетъ, казалось, не имѣлъ нужды; намъ позволено будетъ бросить взглядъ на сію возмущенную Европу, и спросить, что въ ту самую минуту, въ которую всѣ державы объявили Франціи войну; теченіе произшествій не отвлеклоли ихъ уже очень далеко отъ пристанища, гдѣ они думали бросить якорь.

Хотя мы сіе уже говорили, но повторимъ еще съ тою откровенностію кото-

рая раждается отъ твердаго упованія; колеблющееся состояніе мира и войны есть состояніе приличествующее завоевателю, которой вмѣсто коронованія одной головы представляетъ Европѣ всю свою фамилію и для каждой головы сей Гидры, кажется требуетъ отъ нее короны.

Счастіе Франціи устроено въ Маренго; Наполеона въ Аустерлицѣ; а счастіе его фамиліи началось нынѣ:

Взятіе во владѣніе Княжествъ Луки и Піомбино было одно изъ сихъ началъ, которыми Бонапарте всегда испытываетъ мнѣнія; давши владѣніе одному изъ неизвѣстныхъ своихъ зятьевъ, которой ни по какому дѣлу не былъ достоинъ уваженія; ни въ какихъ переговорахъ не прославился, ни въ какомъ военномъ препорученіи не отличился, онъ хотѣлъ чрезъ то дать знать, что сохраняетъ нѣчто и прочимъ.

Пусть разсмотрятъ сей честолюбивой поступокъ, тогда увидятъ, что все умножается и увеличивается вокругъ его; уже не возвышаетъ онъ болѣе колосальной своей статуи, но съ подножія своего онъ распространяетъ свои земли.

Евгеній Богарне, сначала его Флигель-Адьютантъ, потомъ Генералъ и Вице-Король Италіи, вдругъ взошелъ въ родство съ однимъ изъ первыхъ домовъ въ Европѣ; его имя недовольно блистательное для его счастія тотчасъ изчезло, имя Француз-

скаго Принца заступило его мѣсто; и такимъ-то образомъ Бонапарте совершаетъ грабительство надъ дѣтьми святаго Людовика.

Счастіе Мюрата, Людовика, Іосифа, Геронима Бонапарте, можетъ быть даже самаго Люсьеня, есть такая загадка, которую Европа съ трепетомъ должна бы стараться отгадать. Не сіи принадлежности имъ назначены; для чего остались бы они ниже Піомбинскаго Князя? Для нихъ потребны государства; и горе тѣмъ владѣтельнымъ домамъ, которые должны изчезнуть для помѣщенія сей фамиліи хищника.

Египетская война, Экспедиція Бонапарта въ Сирію, уронъ претерпѣнной предъ святымъ Іоанномъ Акрскимъ, посѣяли болѣе вражды между С. Жемскимъ кабинетомъ и главой Французскаго правительства, нежели что бы Аміенской миръ не былъ однимъ изъ сихъ зданій, которое необходимость воздвигла съ поспѣшностію, но первой ударъ разрушилъ. Ежели бы миръ былъ заключенъ прямо между державами, то Франція и Англія не перемѣнила бы своихъ отношеній и согласіе могло бы быть сохранено; но оной былъ произведеніе одной Англинской партіи и одного человѣка во Франціи, которой когда началъ перемѣнять типла, планы и виды, то слабой блескъ довѣренности долженствовалъ также легко изчезнуть.

Соединеніе Піемонта предшествовало совершенному отказу сдать Мальту; первое нарушеніе сдѣлано со стороны Франціи.

Между сими несчастными Королями которымъ столько Государей должны можетъ быть великодушнѣйшимъ воспоминовеніемъ, существовалъ Король Сардинской, о участи коего политика еще не рѣшила. Трактаты Люневильской и Аміенской избѣгли стыда произнести отреченіе столь прошивное политикѣ; одна изъ великихъ державъ въ послѣднихъ своихъ съ Франціею переговорахъ условилась о будущихъ выгодахъ своего союзника лишеннаго владѣній; присоединеніе Піемонша къ Франціи безъ малѣйшаго вознагражденія оскорбили въ нѣдрѣ мира сію покровительствующую державу, и миръ Аміенской при самомъ своемъ подписаніи потерялъ уже ту ненарушимость, которая составляла его силу.

Сіе первое притязаніе едва было простерто, какъ Герцогство Парма одною чертою пера было поглощено Итальянскою республикой, и какъ Неаполь уже угрожаемой, не представлялъ взору Англичанъ отъ Текселя до Венеціи, изключая Португалію, ни одной гавани на тысячу миль, гдѣ бы Французы не были готовы предписывать законы, ежели бы они сдали Мальту Королю обѣихъ Сицилій, что должны бы были отказаться отъ полуденной Европы, и имъ осталось бы для торговли

только трудный всегда входъ въ Везель, Эльбу, и Зундъ. Ежели бы Франція строго заключила себя въ своихъ границахъ, то занятіе Мальты не навлекло бы никакого политическаго неудобства, но съ той минуты какъ управляющій ею и распоряжающій по своей волѣ ея войсками, перешелъ Альпы, дабы покрыть Италію своимъ могуществомъ, Британской кабинетъ не могъ упускать ни единаго оставшагося въ виду средства для оспориванія сего превосходства, которое по ихъ разглашенію они хотѣли распространить по всему Средиземному морю.

Ежели надлежало обратиться съ нѣкоторымъ раченіемъ къ началу дѣлъ, чтобы доказать до какой степени Бонапарте возбудилъ морскую войну, то насъ конечно уволятъ отъ таковыхъ же предосторожностей въ изслѣдованіи тысячи причинъ, понудившихъ Австрію и Россію принять участіе въ сей войнѣ. Одно ли то нарушеніе или многія послѣднихъ трактатовъ вывели изъ терпѣнія сихъ двухъ державъ; но какъ мы уже сказали, непрерывное слѣдствіе требованій и похищеній, въ которыхъ обязаны можетъ быть удивленію безпрестанно оными наводящему, за нерѣшительность, въ коей они казались столь долгое время погруженными. Министры, коихъ Медлѣнная Дипломатика пожирала можетъ быть всѣ минуты, занявшись наружнымъ величествомъ Франціи, и держась съ твердостію

формѣ, или обыкновенныхъ политическихъ границъ, не хотѣли наблюдая за Франціею, заглянуть въ бездну своихъ доходовъ всегда открытыхъ. Освѣдомясь лучше о состояніи казначейства, чрезмѣрныхъ податей налагаемыхъ самою конституціею; и государственныхъ расточительныхъ издержекъ; по необходимости они бы разчислили въ передъ при самомъ подписаніи мира, что Бонапарте будетъ имѣть необходимую нужду снова возпринять оружіе. Изъ отношеній Трибуната тогда еще существовавшаго въ политической своей силѣ, и внимая послѣднимъ вздохамъ законодательнаго и исполнительнаго корпуса, осужденнаго потомъ собираться только для того, дабы удивляться, обожать и молчать, они узнали бы, что трактаты вспомогательныхъ денегъ подписанные въ Мадритѣ и Гагѣ, или лучше сказать трактаты податей, наложенныхъ по случаю войны на всѣ государства, окружающія Францію были единымъ средствомъ оставшимся Французскому правительству дополнить недостатки своихъ Финансовъ; и они догадались бы, что состояніе разстроенное возмущеніями, и войной причиняющей вредъ другимъ Имперіямъ, было единое, въ которомъ Бонапарте могъ поддерживать себя на счетъ своихъ несчастныхъ сосѣдовъ.

Нѣтъ ни одной державы, у которой бы мнимой *искупитель Европы*, послѣ Аміенскаго мира не оспоривалъ правъ или не

вынудилъ интересовъ. Союзники или непріятели, смежныя или удаленныя, слабыя или сильныя, всѣ народы испытали его вліяніе, и каждое государство, стѣсненное въ своей независимости было воспещено или унижено симъ Европейскимъ диктаторствомъ, котораго онъ болѣе всего желаетъ.

Консулъ, то есть первой чиновникъ Французской республики, Бонапарте, присвоилъ самодержавіе; онъ похитилъ тѣмъ государство, которое сдѣлало его надъ собою хранителемъ; посредствомъ трактата онъ обременилъ Испанію тяжестію вспомогательныхъ денегъ до такой степени, что война казалась ей сноснѣе; своими угрозами онъ вымучилъ у Португаліи чрезмѣрныя суммы, перемѣнилъ по своей волѣ Голандскую конституцію, и отягчилъ ее своими войсками когда онѣ были для нее безполезны, и удалилъ ихъ отъ нее безъ всякой жалости въ ту минуту, когда оныя могли бы ее спасти отъ опустошенія.

Будучи Деспотъ въ Италіи, онъ перемѣнилъ республику имъ воздвигнутую въ Королевство, Піемонтъ въ провинцію Имперіи; Геную въ верфь своихъ кораблей; отнявши острова Ельбу у Тосканы, онъ даже послѣ войны продолжалъ содержать гарнизонъ въ Ливорнѣ, и предписывать свои приказы Флоренціи; привыкшій преклонять религію подъ свое иго, онъ впрягъ Папу въ свою колесницу; и чѣмъ болѣе неумолимъ ко внуку Людо-

вика четырнадцатаго, котораго имя тяготило его совѣсть, тѣмъ болѣе онъ истощилъ противъ Неаполитанскаго Королевства пронырствъ и несправедливыхъ ссоръ, нежели алчущій волкъ . . . . басни надъ кроткимъ ягненкомъ.

Кроткій по наружности въ нѣдрѣ Нѣмецкой Имперіи, онъ заспавилъ политику ввести въ нее раздоръ и погрузить въ хаосъ чрезъ вознагражденія, посѣять злобу и тѣмъ укрѣпить съ помощію дипломатическихъ оборотовъ сей Гордіевъ узелъ, которой его единаго шпага имѣла право развязать.

Не ежели Бонапарте не уважалъ (начиная съ Франціи) никакой стороны, болѣе или менѣе ему покорной, то не меньше того нападалъ онъ на всѣ государства, отъ раздраженія которыхъ онъ могъ бы благоразумно избѣжать, безъ своихъ требованій и усилій; онъ желалъ войны и не могъ вовлечь въ нее Европу, какъ посредствомъ несправедливости. Онъ ее хотѣлъ, потому что она единая прерывала заключенныя практаты, доставляла поводъ къ полезнымъ приобрѣтеніямъ, услаждала его великія политическія мечты; онъ ее хотѣлъ потому, что война поправляя его финансы, изчерпая оныя у его союзниковъ, и ослабляя ихъ и непріятеля, служила его склонности, даровніямъ и славѣ и возвышала сіе удивленіе, единое чувство, которое, не имѣя привя-

занности, онъ могъ только внушить народамъ ему подвластнымъ.

Ежели Бонапарте, которой умѣетъ такъ хорошо покорять свои страсти желаніямъ не имѣлъ бы прямой цѣли къ своему увеличиванію при желаніи войны, то онъ не раздражалъ бы Австріи упрямымъ своимъ покушеніемъ на похищеніе второй короны, которая не присоединяла никакого блеску къ первой; онъ не пришелъ бы учреждать лагерь изъ тридцати тысячь человѣкъ въ нѣдрѣ спокойствія, въ той же самой Маренгской равнинѣ, гдѣ за пять лѣтъ назадъ онъ начерталъ предварительныя пункты мира.

Люневильскимъ трактатомъ онъ увѣрилъ Голандію и Швейцарію въ ихъ независимости; и хотя призвалъ Австрію къ сей Гарантіи, но Ландманъ Гелвеціи и великій Гагскій Рат-Пансіонеръ были давно родъ его префектовъ, получающихъ его приказанія и законы..... Италіянская республика потому же трактату не могла быть ни въ какомъ отношеніи подъ однимъ управленіемъ съ Франціею, однако она перемѣнила свой видъ, получила туже конституцію, подпала подъ одно иго, возложила корону на ту же голову; и когда Австрія осмѣлилась тому удивляться и жаловаться, то присоединеніе Лигурійской республики былъ единой отвѣтъ отъ дарователя Люневильскаго мира, возшедшаго на Миланской тронъ.

Ежели Бонапарте не хотѣлъ войны, то онъ бы не привязался съ такою важностію къ острову Мальтѣ; когда гавани Лигуріи, Магонъ, Порто-Ферраіо, Анкона, Ливорна, Цевита-Венкіа, предсталяли свои помощи его торговлѣ и убѣжище кораблямъ; онъ бы менѣе былъ завистливъ видя Россійскія эскадры въ водахъ Іоническаго моря, ежели бы Египетъ не занималъ его мысли, Морея не была его стараніями безпрестанно возмущаемая; наконецъ ежели бы онъ опасался войны въ сѣверной Европѣ, то его министры въ Раписбонѣ говорили бы со всѣмъ другимъ языкомъ, и остатокъ свободы оставшейся издыхающему Германическому корпусу, доволенъ бы былъ сохранить достоинствомъ высокихъ державъ, которымъ была обѣщана безопасность.

Война на твердой землѣ есть дѣло Англіи, кричали со всѣхъ сторонъ; однакожъ безъ коронованія въ Миланѣ, безъ соединенія Лигуріи, Г-нъ Новосильцовъ поѣхалъ бы въ Парижъ и война 1805 года не состоялась бы.

Бонапарте не хотѣлъ войны? А для чего же безпокойной его духъ безпрестанно занятъ свыше своихъ границъ и его воображеніе готовится унизить всѣ власти ввѣренныя ему счастіемъ — Какая страна въ Европѣ, какая Имперія, Королевство, Республика, вольной городъ, которыхъ бы его планы не оскорбили; есть ли какая маленькая область, которой онъ

не хотѣлъ бы предписать законы? Какая держава, которою бы онъ не имѣлъ намѣренія или воспользоваться или управлять ея выгодами: какой есть Государь которому бы онъ не предлагалъ округленія, вознагражденія или размѣны?.... всегда готовый къ раздѣлу нѣкоторыхъ провинцій, онъ не боялся сначала укротить потомъ усыпить честолюбіе великихъ государствъ; поелику былъ очень увѣренъ, что большее раздробленіе разрушаетъ на всегда сіе равновѣсіе, которое опровергаетъ неправильныя возвышенія, и есть обезпечиваніе державъ второй степени.

Чего не было выдумано, предположено и предпринято сполъ обширнымъ воображеніемъ, а какой планъ не заключаетъ еще сія голова или лучше сказать, сей сосудъ въ которомъ переплавленіе Европы, по выраженію одного славнаго журналиста давно опредѣлено.

Сдѣлавшись диктаторомъ и законодателемъ въ Германіи, онъ не оставилъ ни одного владѣнія, въ которомъ бы не хотѣлъ изпровергнуть законоучрежденіе и землеположеніе. По праву его шпаги, курфирсты перемѣняли титулы; побѣжденныя Князья перемѣняли мѣста, верховная власть находится въ неизвѣстности, дворянство ограблено, собственность есть дерево безъ корня, которое, сажаютъ и пересаживаютъ по своей волѣ. Властвуя всѣмъ онъ все перемѣщаетъ, изпровергаетъ, возвышаетъ и тѣмъ при-

нуждаетъ удаленнѣйшія и спокойнѣйшія государства выдти изъ своей политической безпечности.

Ежели Данія наблюдаетъ благоразумной неутралитетъ, то онъ негодуетъ, видя, что она не отказываетъ свои порты непріятелю, котораго онъ хотѣлъ бы преслѣдовать во всѣхъ водахъ вселенной.

Ежели Швеція оказываетъ нѣкоторое негодованіе и усиліе, то онъ предлагаетъ внуку великаго Курфирста отторгнуть Померанію у наслѣдника великаго Густава, и отъ полудня до сѣвера отъ Стральзунда до Неаполя разсылаетъ угрозы и мщеніе, и говоритъ только о наказаніи Королей.

Пруссія, вѣрная къ своимъ трактатамъ до того, что бы пожертвовать имъ свободой германическаго корпуса и можетъ быть своимъ достоинствомъ и славою, пускай остается неподвижна и безмолвна посреди воспламененной Европы, подобно источнику, онъ не признаетъ болѣе государственныхъ правъ за оплотъ, разливается по ея землѣ, нарушаетъ ее неутралитетъ, и принуждаетъ произвесть предъ лицемъ Европы гласъ совѣсти, которой политика скоро заглушила.

Наконецъ тому же подверглась самая Турція: сія старая Французовъ союзница, которую Египетская экспедиція принудила удалиться отъ нихъ и предаться великодушнѣйшему внушенію единаго защитника ей оставшагося; всѣ Европейскія дер-

жавы обманутыя или угнетенныя, походятъ теперь на сихъ робкихъ птицъ, которыя трепеща бѣгутъ по полю между тѣмъ какъ коршунъ парящій надъ ихъ головами грозитъ и на нихъ устремляется.

Но ежели Европа оправдывается тѣмъ, что показала желаніе утушить бурю и что покушалась при сокращномъ нарушеніи человѣческихъ правъ, принудить къ признанію государственныхъ правъ; то до какой степени Россія должна была наипаче по своему достоинству и выгодамъ прилѣпиться къ сей благородной ссорѣ.

Какое было положеніе Россій съ Франціею, во время ихъ послѣднихъ трактатовъ?

Въ какое достоинство возвысило ее политическое ея поведеніе и дѣйствительная сила? Какія оскорбленія были сдѣланы ея союзникамъ?

Какое отрицаніе было предположено благоразумнымъ ея требованіямъ? Сколь прямое нападеніе сдѣлано было на ея вліяніе?

Какое неуваженіе ея могуществу? Какое злоумышленіе противъ ея независимости? Наконецъ какое униженіе можетъ произойти во всемъ томъ, что составляетъ ея силу?

Ежели на всѣ сіи вопросы не трудно отвѣчать и доказать, что послѣ подписанія мира въ Парижѣ 3го Октября 1801 года между Россіею и Франціею, нѣтъ ни

одного изъ сихъ отношеній, которое бы не было уничтожено или по крайней мѣрѣ сильно поругано, то довольно достаточно можно опвергнуть обвиненіе столь неосновательное и смѣшное, что будто бы Россія предприняла мечтательную войну противъ Франціи.

Что многіе умствующіе люди не знаютъ, или лучше сказать притворяются не знать; такъ это то, будто бы дѣйствительная сила государства состоитъ въ одномъ его земле — положеніи, населеніи и богатствѣ; нѣтъ, она зависитъ еще отъ нравственныхъ, даже метафизическихъ причинъ, которыя всѣ столько же необходимо нужны къ ея благосостоянію какъ и то, что поражаетъ наши взоры; честь государства, слава его оружія, свобода въ политикѣ, твердость въ намѣреніяхъ, и справедливость Государя, составляютъ также часть ея силъ, какъ самая земля, торговля и жители. Отвергать сіи важныя, но скрытыя причины, значитъ уничтожать все цѣлое; и Имперія, коей потрясаютъ перевѣсъ у сосѣдей и довѣренность у союзниковъ, теряетъ болѣе нежели та, на кою нападаютъ въ ея границахъ или у которой похищаютъ нѣкоторыя отдаленныя провинціи.

Французское правительство не угрожало землямъ Россіи, но во всѣхъ случаяхъ въ продолженіе трехъ лѣтъ избѣгала ея вопросовъ, нападала на ея союзниковъ, и не признавала великаго ея достоинства!

Обезпеченый въ дополнительныхъ пунктахъ трактата заключеннаго въ Парижѣ, Король Сардинской ожидалъ долгое время съ надеждою исполненія обязательства сдѣланнаго подъ ея гарантіею, и между тѣмъ Піемонтъ былъ соединенъ съ Франціею безъ малѣйшаго вознагражденія.

Приглашенная Германскимъ корпусомъ къ назиданію и защищенію цѣлости послѣдней конституціи ей оспавшейся, Россія видѣла, невзирая на представленія своихъ Министровъ, тысячу требованій оскорбляющихъ или уничтожающихъ слѣдствіе сей гарантіи.

Россія ревнуя открыть важной проходъ въ полуденныя свои провинціи, соединить благоденствіе торговли Чернаго моря съ дружескими и полезными отношеніями Средиземнаго, раздѣлила съ верховной Портой честь покровительства надъ Республикою семи острововъ, не отнимая у ней верховной власти, какъ Бонапарте, находящійся за Альпами, пришелъ въ качествѣ начальника новой республики, съ требованіями Французскаго Деспотизма во всѣ Италіянскіе порты.

Тысяча откровенныхъ отношеній, тысяча политическихъ связей, поставляли ей въ священной законъ вспоможеніе Короля Неаполитанскаго какъ вѣрнѣйшаго союзника; и между тѣмъ, какъ она прислала въ Парижъ въ Февралѣ 1801 года господина Колычева совершить переговоры предложенныя самимъ Бонапарте, переговоры,

въ коихъ независмость обѣихъ Сицилій была основаніемъ, тракгатъ вынужденный шпагою въ Мартѣ мѣсяцѣ во Флоренціи, сдѣлалъ важнѣе прежняго положеніе сего самаго союзника, на помощь коморому по своему благородному дружеству она притекла съ усердіемъ.

Россія всегда видѣла какъ у своихъ сосѣдей, такъ и Государствъ отдаленнѣйшихъ, что Франція противится ея намѣреніямъ и видамъ, отклоняетъ ея право обижаетъ покровительствуемыхъ ею, притѣсняетъ ея подданныхъ, силится уменьшить кредитъ, и что особливо старается отрицать важность и блескъ, доставляемый политическому ея теченію блистательнымъ и славнымъ царствованіемъ.

До того, пока Бонапарте, воспитанной конечно въ политической школѣ Бренна и Аттилы, не приучилъ еще Европу принимать безъ ропоту законы начертанные его волею, трудно бы было понять, какимъ образомъ могли вынудить у Неаполитанскаго двора тракгатъ въ глазахъ Россійскаго Министра, между тѣмъ какъ Посланникъ того же двора пріѣхалъ въ Парижъ для подписанія совсѣмъ противнаго.

И такъ Россія, прежде послѣдняго уже мира перемѣнила положеніе съ Франціею, и когда ея величества въ Европѣ не довольно стало для важныхъ переговоровъ, то слава ея и уваженіе, требовали отъ нее стараться о обратномъ завоеваніи то-

го, что дерзость и несправедливость, какъ казалось, у нее исторгали.

Но ежели Флорентинской миръ до такой степени не выгодный для Неаполитанскаго двора, что онъ есть начало всѣхъ сихъ нещастій, былъ заключенъ скоро, не уважая въ семъ дѣлѣ участія Россіи, то напротивъ того услужливости, расточаемыя въ Парижѣ ея полномочному министру, также почести сдѣланныя съ умыслу ему на дорогѣ, для замѣшкиванія его пути, служили по крайней мѣрѣ къ обнаруживанію важности, которую Сент-Клудской кабинетъ полагаетъ еще въ дружествѣ и неутралитетѣ Санктпетербурскаго двора.

Бонапарте, привыкшій начерпывать миръ въ Толентино, въ Кампо-Форміо, въ Рашпадѣ и въ Люневилѣ, не почиталъ тогда еще себя властнымъ давать законы полуденной Европѣ, безъ ласкательствъ и усыпленія бдительности сей великой державы, настоящей сѣверной звѣзды политическихъ море-ходцовъ . . и возвращеніе плѣнныхъ такъ какъ и снисхожденіе оказанное потомъ въ первыхъ переговорахъ Графу Моркову, по справедливости утверждали во всѣхъ Европейскихъ кабинетахъ, что Россія ничего непотеряла въ своемъ высокомъ перевѣсѣ.

Но какъ послѣ сего послѣдняго мира С. Петербургской кабинетъ нашелся обезпокоеннымъ въ разсужденіи возвышенія Перваго Консула, и когда Франція увели-

чившаяся на Югѣ перестала уважать молчаніе сѣвера, то Россійская Имперія перемѣнила положеніе, цѣлая Европа перемѣнила видъ, политическое равновѣсіе потерялось, великія державы замѣшались въ отношеніяхъ между собою; и истинная политика долженствовала поставить въ законъ употребленіе злосчастной войны, потому что оная становилась не столь опасна, сколько бѣдствіе мира.

Въ соединеніи Піемонта съ Франціею Россія получила первой признакъ злоумышленнаго покушенія на ея политическое достоинство; и какъ потомъ удары власти непрерывно поражающія въ Пармѣ, Неаполѣ, Лукѣ, Рагузбонѣ, и во всѣхъ гаваняхъ Леванта, гдѣ злольстивый Себастіянъ старался разсѣвать возмущенія, были только или предзнаменованіи или слѣдствія сего великаго государственнаго пораженія, коего варварское исполненіе раздавалось столь глубоко во всѣхъ сердцахъ, что Европа, увидя унипоженный договоръ, которой слава, казалось, хотѣла на минуту заключить съ справедливостію, должна была приготовиться къ похитительной системѣ, уже начинающейся; а. С. Петербургской кабинетъ къ войнѣ, которая хотя была не удачна, но справедлива.

Англія не имѣла нужды сѣять золота въ Европейскихъ кабинетахъ и искать непріятелей Франціи; самъ Бонапарте разсѣвая раздоръ навлекъ на нее вражду вселенной. За цѣну великодушной довѣрен-

ности народа изнеможеннаго войною и Анархіею, и вручившаго плодъ десятилѣтнихъ трудовъ, за одинъ день мира, онъ презрѣлъ наслѣдство Людовика четырнадцатаго и возжелалъ прекраснѣйшей страны въ Европѣ для своей фамиліи; онъ рѣшился купить свое гигантическое возвышеніе счастіемъ, или въ случаѣ надобности кровію всѣхъ Французовъ.

Тщетно журналисты и сочинители льстивыхъ нотъ Монитера стараются оправдать мнѣніе и осыпать политику С. Жемскаго кабинета всѣми наказаніями выдуманными Тюльерискимъ кабинетомъ; тщетно они умножаютъ трактаты, выпущенныя можетъ быть очень рано въ публику для извлеченія яда, которой они надѣются разослать. Англія не покупала союзниковъ, одинъ Бонапарте, сей Миланской Король набиралъ вспомогательныхъ рекрутъ противъ Лондонскаго Короля; да и въ самомъ смыслѣ сихъ трактатовъ найдутъ благородныя намѣренія державъ, не достойно оклеветанныхъ.

Коалиція была предпринята, и заключена въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, то есть, три мѣсяца прежде, нежели Генуеская область требовала своего соединенія съ Франціею; раздавались эхи Французскаго правительства. И такъ изъ того выходитъ, что Англинское золото возбудило желаніе сихъ державъ, которыя не имѣли никакаго участія въ несправедливомъ сопротивленіи требованіямъ Бонапарте, что соединеніе желѣзной короны

съ короной Карла Великаго не должно было совсѣмъ безпокоить Государя, владѣющаго Венеціею, что занятіе Неаполя арміею Сенти-Сира не долженствовало быть занимательно для Россіи, которую оно понудило съ великими издержками ввести наблюдательно армію на островъ Корфу, и что надлежало, такъ какъ не было возможности въ томъ объясниться, ожидать соединенія Генуезской республики и совершенно положиться на сего робкаго и скромнаго судью, которой въ два года завладѣлъ только двумя коронами и присоединилъ къ своему государству десять провинцій.

Лордъ Кастлеригъ никогда не говорилъ, что Коалиція не имѣла другаго предмета, какъ распространеніе *Британскаго могущества.* Членъ Англинскаго парламента не дѣлаетъ изъясненій столь глупыхъ, какими онѣ дѣлаются подъ перомъ не вѣрныхъ переводчиковъ ихъ обезображивающихъ. Россія, Австрія и Швеція соединились для общихъ своихъ выгодъ, для отвращенія обидъ и притѣсненій, для подтвержденія независимости своихъ коронъ; самая умѣренность суммы двадцати милліоновъ ливровъ, въ разсужденіи коей Французскіе журналисты старались вывести нѣчто смѣшное, видна цѣль державъ, которыхъ Англія призвала содѣйствовать всеобщимъ причинамъ; сколь бы она дороже ихъ купила тогда, когда бы оныя были совершенно постороннія.

Какъ не можно было сказать Франціи, не имѣющей причины къ законной войнѣ, пусть она сражается и изпощается для утвержденія Вонапартіевой фамиліи на всѣхъ западныхъ тронахъ, то надлежало обременить Британской кабинетъ симъ возмущеніемъ, коего не могли познать причины, и разсѣять въ Парижскомъ легковѣріи молву, что привлеченные приманкою вспомогательныхъ денегъ всѣ Европейскіе государи будто бы поступили противъ собственныхъ своихъ выгодъ.

Но что бы подобное разсужденіе было понятно, то надобно доказать, до какой степени выгодно великимъ державамъ видѣть уничиженіе малыхъ истинно къ нимъ привязанныхъ; и напротивъ того какая важность можетъ изъ того произойти, когда допустять утвердиться гигантическому могуществу, которое не позволяетъ даже предвидѣть послѣднихъ своихъ границъ.

Англія, *говорятъ*, *обѣщала двадцать миліоновъ ливровъ*, *для исходатайствованія силнаго предотвращенія и обузданія*; ... ето правда: но не симъ двадцати миліонамъ за то она обязана; ибо сіи деньги только облегчили исполненіе онаго; несправедливости, главы Французскаго правительства произвели сіе предпріятіе; да и притомъ не потому, что Европа хотѣла противиться соединенію Генуи, и завоеванію Венеціи и Неаполя, Бонапарте овладѣвшій во время мира Лукой, Піомбиной, Пармой,

Піемонтомъ, и двумя коронами, принялъ намѣреніе присоединить къ своимъ несправедливостямъ еще большія.

Военные успѣхи доставили Французской казнѣ двѣсти милліоновъ контрибуціи: но сіе слѣдствіе несчастной Коалиціи, есть ли неоспоримое доказательство неправильнаго заключаніе оной? Когда Франція не воюетъ, то она обогащается миромъ еще вѣрнѣйшимъ образомъ..... Когда Испанія, Португалія, Голандія и Италія вносятъ ежегодно въ бездну ея доходовъ двѣсти милліоновъ дани, остающейся всегда во внутренности государства и удобриваютъ ея бразды, то неравенство еще болѣе неудобно для Европы, нежели когда Англія снабжала ея войска суммами, хотя подлинно чрезмѣрными, но самыя необходимыя военныя издержки оставляли большую часть оныхъ въ тѣхъ же источникахъ, отъ куда они были изчерпаемы. Побѣды служатъ къ счастію побѣдителя, потому что онѣ придаютъ болѣе блеску его могуществу, но онѣ равномѣрно приводятъ въ бѣдность, какъ Французовъ, которые ихъ приобрѣтаютъ, такъ народъ платящій дань и народъ побѣжденной, которой не чувствуетъ другой разности, какъ только что сей потерялъ однимъ днемъ, однимъ трактатомъ то, чѣмъ обманчивый и подложной миръ похитилъ бы у нихъ въ нѣсколько лѣтъ.

Союзъ съ Англіею причиняетъ всегда погибель государей столь неблагоразумныхъ, что

въ оной вступаютъ; говорятъ тѣже журналисты: истинна сего засвидѣтельствована недавно участію Штатгалтера, и Короля Сардинскаго, а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ Австріи и паденіемъ Короля Неаполитанскаго.

А что имѣетъ общаго дружество Англичанъ съ симъ злосчастіемъ, которое въ теченіи десяти лѣтъ сопровождаетъ оружіе всего, что не принадлежитъ Франціи? — Сіе дружество къ войнѣ ли побудило сіи четырѣ державы съ кроткимъ народомъ, или къ отраженію возмутительной націи; сосѣди Франціи не былили окружены по сей причинѣ, подобно Ликеру опіъ броженія начавшему выходить вонъ изъ сосуда, которой его въ себѣ заключалъ; и Англія послѣдняя принявъ участіе въ ссорѣ, виновна ли въ томъ, что платила вспомогательныяденьги на твердой землѣ, не присылая съ золотомъсвоей силы?

Но по чему такія первокласныя державы, какова Россія и Австрія, принуждены имѣть нужду въ спомогательныхъ деньгахъ, между тѣмъ какъ Франція сражающаяся противъ ихъ, кажется, успѣваетъ съ собственными своими силами и полагается только на свои собственныя средства? По тому что она приобрѣла пятнадцати-лѣтнею Анархіей право грабить и похищать; и что не могутъ воспользоваться ужасомъ давно предшествующимъ Французскія войска, въ которыхъ при-

выкли позволять себѣ всѣ насилія, чѣмъ другія гнушаются.

Французы чрезъ сіе самое, что позволили себѣ тож, могутъ еще болѣе позволять; въ войнѣ съ своими непріятелями несправедливость, есть для нихъ великодушіе; между тѣмъ какъ державы еще уважающія все то, что Французы отвергаютъ, находятъ себя принужденными для взаимнаго вспоможенія платить за все то, что они получаютъ просбою, и призвать Англію, дабы она замѣнила вспомогательными деньгами сію великую силу, которую приобрѣтаетъ народъ, когда счастіе его оружія дѣлается единымъ отвѣтомъ и опытностію.

Не разсуждая о томъ, что поспѣшно ли было рѣшеніе, и правдали, что Франція не была въ возмутительномъ состояніи, позволено будетъ увѣрить, что власть изпощаетъ еще всѣ сильныя свои средства въ возмутительныхъ мѣрахъ республики по видимому уничтожающейся .... Слова исчезаютъ и вещи остаются. Власть не имѣетъ болѣе не рѣшительнаго состоянія, мѣчь ужаса не находится уже въ общихъ рукахъ всѣхъ народовъ; самодержавіе оставляетъ нынѣ того, кто вчера владѣлъ онымъ. Всѣ бѣдствія разсѣянныя по Франціи собрались, какъ Эоловы дѣти въ пещеру, гдѣ ихъ заключили; но находясь тамъ, подобно симъ скованнымъ вѣтрамъ, подъ начальствомъ одного правителя, они

не менѣе готовы произвести тѣже бури и слѣдствія.

Да престанетъ несправедливое мнѣніе дѣлать Англію отвѣтчицею за неудачные успѣхи, на покупку коихъ вспомогательныя деньги будто бы ею употреблены были; она платила за чрезмѣрныя военныя издержки, но не торговала ни достоинствами, ни честью; и ежели ея Министры могли имѣть вліяніе на выборъ, которой произшествія учинили позорнымъ, то ето онять вина кабинетовъ, позпавившихъ въ первое достоинство такихъ людей, коихъ мнѣніе и опытность давно бы надлежало удалить.

Союзъ Англіи не могъ быть вредителенъ никакой приступившеи къ союзу державѣ, ибо стихія, на которой она сражается, есть та, гдѣ счастіе, Бонапарте никогда не можетъ ее достигнить; она поправляетъ, напротивъ того и ровняетъ; она изкупила при Трафальгарѣ Ульмскія и Аустерлицкія несчастія; она одна обуздывала чрезмѣрное честолюбіе; и ежели бы Азіятскія владѣніи, состоящія подъ ея законами, не входили по причинѣ ея въ равновѣсіе Европы, то тожетъ быть не было бы уже ни одного противуположенія сей федеративной власти, которая, какъ буря, собирается и скоро обнаруживается.

Союзъ съ Франціею; говорятъ также журналисты, *всегда полезной державамъ въ оной вступившимъ, доставляетъ возвышеніе и благосостояніе; свидѣтелствуетъ то Баварія*

Виртембергъ и Баденъ....! Сіи самыя свидѣтели, нынѣ какъ безъ силы, такъ и безъ голосу; могутъ утверждать противное. Не взирая на почести, за которыя обязаны несчастію, надлежало требовать у государей Баварскаго Виртембергскаго и Баденскаго отвѣта въ сихъ ложныхъ выгодахъ, которыя ихъ свергли зъ достоинства независимыхъ Курфирстовъ на троны, не могущіе даже скрыть тажести ихъ паденія. Ахъ! да не страшатся сіи потомки славнѣйшихъ въ свѣтѣ поколеній того, что будто причинятъ имъ несчастіе жестокимъ притворствомъ въ принятіи его за благополучіе!.... громовой ударъ, поражающій прекраснѣйшіи дубъ, не унижаетъ его горделивой главы: и ежели пораженные сучья обвалились, то древней кряжъ проведшій вѣка, можетъ еще послѣ бури востановить надежду и честь нашихъ лѣсовъ.

Австрійцы и Россіяне защищались правильно въ разсужденіи Англинскаго жалованья, и уже сдѣланъ отвѣтъ на сію нескромную укоризну: бываютъ тогда на жалованьѣ какаго Государства, когда отдаютъ войска въ полное его распоряженіе, и жертвуютъ ими выгодамъ совершенно для нихъ чуждымъ; Ландграфъ Гессенъ-Касельской въ Американскую войну имѣлъ осмнадцать тысячъ солдатъ, на Англинскомъ жалованьѣ, ибо Англичане ихъ посылали въ Канаду, гдѣ Ландграфъ ничего на защищалъ; но Австрійскій Императоръ, принужденный вывести пять десятъ тысячъ

человѣкъ на Адижъ для наблюденія за Бонапарте въ Маренгскомъ его лагерѣ, имѣлъ право даже прежде войны принять отъ Англіи часть для расходовъ, дабы имѣть болѣе средствъ къ требованію отъ новаго Италіянскаго Короля, какія были его новыя намѣренія.

Когда Тюльериской кабинетъ въ тайнѣ умышлялъ сіи чрезмѣрные планы, сіи политическіе романы, счастіемъ превращенные потомъ въ памятники исторіи; то писатели Монитера не видѣли ничего, кромѣ скромности и мудрости, и занимались въ молчаніи только счастіемъ вселенной: но когда съ своей стороны державы старались также нѣкоторыми средствами защищаетсѧ, то сіе значило по ихъ, составляетъ заговоры и измѣны, или вести постыдные переговоры чрезъ ихъ Министровъ; и Французская дипломатика одна требующая право управлять міромъ, поступаетъ съ Европой такъ, какъ тотъ человѣкъ, которой сказалъ трудолюбивому Голандцу, занимающемуся во время наводненія поправеніемъ своей плотины; негодяй, брось свою работу, и перестань пропититься Океану.

Ежели Англія успѣла составить четвертую Коалицію, то Австрія, которая во первыхъ потеряла Белгію, во вторыхъ Италію, лѣвой берегъ Рейна, въ третьихъ Гироль, Швабію и Венеціянскія земли, потеряетъ вѣроятно свою корону . . . Можетъ статься! . . .

Но Ежели Англія и прочая часть Европы, будутъ ожидать въ почтительномъ молчаніи исполненія плана, сочиняемаго Тюльерійскимъ кабинетомъ; то Австрія граничущая съ западной Федеративной Имперей, подпадетъ скоро подъ Феодальное иго ей представляющееся и сохранитъ свои провинціи только за горестную цѣну порабощенія, можетъ быть еще худшаго, нежели паденіе, коимъ ее угрожаютъ.

Но возратимся къ Россіи, къ Россіи, которую въ Парижѣ обвиняютъ за то, что она играла въ Коалиціи роль важную и благородную; она весьма прилична державѣ, которая при своемъ удаленіи отъ опасности не менше шого имѣла великодушную мысль, спасти прежде тѣ державы, кои болѣе подвержены опасности.

Было составляемо три Коалиціи противъ *франціи*, говорятъ еще Французскія журналисты; *сіи три Коалиціи были въ Царствованіе трехъ разныхъ государей.*

Что они думаютъ изъ сего заключить? Кромѣ необходимости, въ которой Россія находилась, дабы троекратно принимать оружіе; потому что въ три царствованія она принуждена была отражать тѣже опасности.

Императрица ЕКАТЕРИНА Вторая, занимаясь давно выгодами представляющимися видамъ ея, приготовилась произвесть первую Коалицію; сей знакъ величества, которой она по всюду запечатлѣ-

вала, какъ смерть прервала сіи обширныя и великодушныя намѣренія.

Императоръ ПАВЕЛЪ Первый составилъ тотчасъ вторую; но онъ поспѣшилъ въ концѣ 1799 года отозвать свои войска, ибо Франція въ сіе время совершенно перемѣнила видъ и Бонапарте подалъ надежду къ столь благоразумному и кроткому правленію, сколько потомъ показалъ наглое и честолюбивое.

Три раза Россія была тревожима поступками Франціи; три раза она ее колебала въ политическомъ распоряженіи; и ежели Императоръ АЛЕКСАНРЪ вступилъ въ третью Коалицію, то ето потому, что политика Бонапарте вдругъ показалась еще болѣе опасною, нежели сей революціонной вредъ, которой оставилъ въ неуваженіи двѣ первыя.

Уже сказано, что было сдѣлано тысяча нарушеній противъ мира, и С. Петербургской дворъ, кроткой въ разсужденіи своей силы, не только колебался вступить въ новую Коалицію, но Господинъ Новосильцовъ былъ еще назначенъ къ переговорамъ, коихъ цѣль была купить спокойствіе великодушнымъ забвеніемъ; послѣднія политическія отношенія Россіи означаютъ послѣднія минуты Французской республики; и какъ ея любовь къ миру, влекла ее между тѣмъ къ важности обрядовъ; то ея повѣренной ѣхалъ трактовать съ начальникомъ правленія, готоваго сдѣлать его самодержцемъ Имперіи.

Признаніе въ достоинствѣ, о которомъ она имѣла право спорить болѣе другихъ, паче когда Австрійской Императоръ уступилъ сей пунктъ, долженствовало быть вѣроятно слѣдствіемъ сего перваго пункта, какъ соединеніе Лигуріи разрушило всю надежду къ переговорамъ. Это не были сѣти Англичанъ, что Санктпетербургской кабинетъ покушался еще на сей послѣдней поступокъ; потому что Англичане могли желать только поспѣшнаго и рѣшительнаго опредѣленія; и державы, которыя потомъ вступили въ Коалицію, положили такую мѣру въ ихъ союзныхъ прожектахъ, что честолюбіе Бонапарте, казалось, въ сію минуту было единымъ союзникомъ, служившимъ дѣйствительно выгодамъ Англіи на твердой землѣ.

Какъ не было возможно отвратить войну такимъ образомъ, что бы не встрѣтить въ мирѣ большихъ неудобствъ, нежели какія навлекаетъ самая война, Россія рѣшилась воспринять съ важностію роль приличную ея могуществу и положенію. Союзный трактатъ подписанъ въ Санктпетербургѣ съ Англію Марта 30 го (по старому штилю, или 11 го Апрѣля по новому 1805 года съ непремѣннымъ условіемъ отсрочить исполненіе онаго, до возвращенія повѣреннаго поѣхавшаго въ Парижъ. Г-нъ Новосильцовъ въ Берлинѣ уже принужденъ былъ отказаться отъ продолженія пути; и какъ 21го Іюля Австрія так-

же приступила къ тому же трактату, то Коалиція была заключена и война началась.

Ежели политика по справедливости исторіею упрекаемая съ такою важностію, показалась когда превосходящею, въ кроткихъ ея планахъ, сіе военное искуство, отъ котораго зависитъ успѣхъ или неудачливость, то конечно это было въ сихъ обстоятельствахъ, когда Россія не вооружалась, да и не думала вооружаться какъ только побуждаемая такъ сказать верховнымъ правительствомъ вселенной..... Нѣтъ не насильственныхъ завладѣній, ни раздѣловъ, ни побѣдъ ни Гигантскихъ плановъ, ни личныхъ выгодъ.....но отдавая всему справедливость, а ей достоинство только освобожденіе Гановера, не зависимости республикъ Голандской и Швейцарской, востановленіе Сардинскаго Короля, безопасности Неаполитанскаго Королевства, освобожденія острова Эльбы и равновѣсія силъ между Европейскими Государствами.....вотъ чего Россія требовала: не распространеніе своей земли, не умноженіе подданныхъ или богатствъ, но довѣренность отъ своихъ союзниковъ, любовь отъ народа, почтеніе отъ Европы и уваженіе отъ самыхъ непріятелей Императоръ АЛЕКСАНДРЪ желалъ пріобрѣсти.

Таковы были начала и цѣль сей третей Коалиціи, въ которой юный самодержецъ хотѣлъ напечатлѣть свой честной характеръ.

Соединеніе четырехъ державъ составленное въ непроницоемой таинѣ; пять сотъ тысячъ воиновъ готовыхъ соединиться; точное распоряженіе военныхъ предпріятій, заготовленіе источниковъ для прибѣжища въ расходахъ..... вотъ произведеніе С. Петербургскаго кабинета; прочее зависимо отъ счастія, и есть горестной плодъ другой исполнительной политики, которая навлекла столько ужаса и погрѣшностей, сколько было употреблено благоразумія и раченія что предвидѣть и избѣжать.

Безмѣрное легковеріе подписывало всѣ трактаты, говорили Французскіе журналисты; которые не знали, что спустя недѣлю ихъ принудятъ издать въ публику записки приписываемыя Графу Старембергу; записки, которыя дѣлаютъ столько же чести благоразумію державъ приступившихъ къ союзу, сколько самые трактаты показываютъ кротость ихъ политики; какую цѣль могутъ имѣть ихъ войска, кричали со всѣхъ сторонъ особы не умѣющія совокуплять никакихъ моральныхъ связей съ предмѣтами, кои поражаютъ ихъ взоры? И какую имѣли надежду покорить тройной рядъ крѣпостей, дѣлающихъ не приступными границы Франціи? Какую надежду! надежду не завоевать, но остановить человѣка, ею управляющаго, въ обширныхъ его планахъ завоеванія; дать почувствовать Французамъ, которые при равной даже войнѣ потерпѣ-

ли бы всѣ ея тяжести, чего стоитъ имъ безпокойной духъ и честолюбивой характеръ начальника, котораго они допустили собою овладѣть.

Не трудно конечно отнять у Франціи въ одну или двѣ счастливыя компаніи крѣпости, какъ то Маинцъ, Стразбургъ, Тіонвиль и Мецъ; и слава сего счастливаго солдата развѣ преступна? Кто не знаетъ что Бонапарте, чудесное произведеніе счастія, совершенно Гигантическаго, подверженъ также нѣкоторымъ превратностямъ? Потому же самому, что есть нѣчто волшебное въ умноженіи его величества, онъ имѣетъ нужду содержать безпрестанно въ ослѣпленіи все то, что его окружаетъ; его могущество не есть слѣдствіе правъ, но зависитъ отъ удивленія, которое онъ собою внушаетъ; не Государя видятъ въ немъ, ни искуснаго Генерала, но нѣчто чудное, которое все покоряетъ и властвуетъ надъ всякой противностію; онъ есть дитя судьбы, или паче такой человѣкъ, котораго небо, кажется, мощною своею дланію покрываетъ; наконецъ его самое счастіе въ его особѣ; счастіе — единой предметъ нынѣшняго богослуженія и обожанія людей.

Испытавшій уронъ въ Италіи, погребшій на время свою славу въ Сирійскихъ пескахъ, истощившій для мнимыхъ побѣдъ отборную армію въ Египтѣ и потерявшій флотъ въ устьяхъ Нила, не можетъ ли еще подвергнуться оборотамъ счастія, и

Европа не имѣетъ ли права въ сей надеждѣ покуситься на сверженіе ига становящагося несноснымъ?

Видятъ только однѣ военныя несчастія, и забываютъ о нарушеніи мира; ни кто искренно не хочетъ признаться, что государи, уступившіе кратковременно счастію оружія столь непостоянному у всѣхъ народовъ, сохранили еще болѣе достоинства въ семъ несчастіи, нежели тѣ, которыя не могли даже и предстать на сраженіе.

Сраженія Бонапартія, есть сверженіе Идола; это Далай-Лама, которой допускаетъ о себѣ вѣрить что онъ смертенъ .... Чемъ болѣе Энтузіазма въ его арміяхъ и усердія въ набираніи оныхъ, тѣмъ менѣе преданности въ подданническихъ народахъ, помогающихъ содержать войска ..... По всюду строгой законъ требующій пожертвованій .... Чѣмъ болѣе представляется ревностныхъ услугъ, сихъ стремленій Патріотизма принадлежащихъ къ модѣ, у столь легковѣрнаго народа, тѣмъ болѣе витійственныхъ префектовъ и похвальныхъ Епископскихъ рѣчей; но истинна уничтожаетъ очарованіе и исполинъ дѣлается опять человѣкомъ.

Нѣтъ надлажащей покорности у народа, умѣющаго только обожать и не навидѣть; отвращеніе должно замѣнять у него Энтузіазмъ; и ежели власть вступитъ въ обыкновенныя свои границы, то сначала она будетъ ненавидима, а потомъ скоро

отвергнута, поелику тогда не будетъ очарованія счастіемъ внушаемаго и сильной привычки. Какъ нѣкогда Французкой народъ вышедъ изъ своего сумасшествія, принужденъ будетъ почувствовать свои потери, изчислить пожертвованіи и помыслить о причинѣ оныхъ, то недоумѣніе изчезнетъ и Франція будетъ скоро убѣждена, что она сражается и ослабѣваетъ для неблагодарнаго, котораго честолюбія не могла насытишти даже и тогда, когда отдала ему все цѣлое.

Единая цѣль третей Коалиціи была та, что бы отлучить Бонапарте отъ Французовъ, которымъ онъ непринадлежалъ даже и по праву рожденія. Не получили успѣха въ первой, когда еще только угрожали землямъ Франціи; второю можетъ быть очень рано хотѣли предписать ему законы; между тѣмъ какъ третья благоразумнѣйшая вооружилась только къ своему защищенію и отвращенію легковѣрнаго народа отъ того, дабы онъ не служилъ орудіемъ однаго честолюбца.

Англинское правительство, публикуя трактаты подписанныя его Министрами съ державами твердой земли, не оскорбило ихъ тѣмъ, ибо оно повиновалось только своей конституціи; да и сіи державы должны были то знать прежде сего трактованія; конечно оно оскорбило нѣкоторыхъ, которыя желали бы лучше, помому что произшествія принудили ихъ перемѣнить поведеніе, дабы менѣе говорили о ихъ

истинныхъ началахъ; но напротивъ того для кабинетовъ Санктпетербургскаго, Вѣнскаго и Стокгольмскаго сіе объявленіе не только не было оскорбительно, но еще служило оправданіемъ самымъ яснымъ и совершеннѣйшимъ.

Какіе планы раздѣла, похищеній, заговоровъ и предпріятій на завоеваніе, содержатъ сіи трактаты, которыхъ бы Франція не должна была узнать; гдѣ сіи честолюбивые виды великихъ державъ, которые бы привели ихъ изъ дали для нападенія вмѣстѣ на одну и совершеннаго ея раззоренія; отнятіе ли ея провинцій или надежда возвратить обратно войною то, что войною же было изторгнуто? Нѣтъ! Австрійскій государь, законной владѣтель Брабанта и Фландріи, едва могъ даже думать о возможности паки обладать сими прекрасными странами, наслѣдіемъ своей фамиліи. Промѣненная Лотарингія на землю потомъ опять имъ потерянную не занимаетъ его даже и мыслей; не располагались коснуться, того, что Франція называла природными своими границами; не только политика ихъ уважаетъ, но и не произнесла еще желанія обратно получить Ломбардію. Вездѣ оставляютъ правительства таковыми, каковы они есть, и государства съ конституціями, которыя, казалось, они выбрали сами; только на чрезмѣрное соединеніе могущества до сего никогда не находившагось въ одной рукѣ, позволяютъ себѣ напасть, и вся Европа воо-

ружилась только противъ честолюбія одного человѣка; пусть сей человѣкъ отречется желанія быть вдругъ Императоромъ, Королемъ, покровителемъ, диктаторомъ, и тогда всѣ готовы положить оружіе; пусть тотъ, кто не есть Французъ, удовольствуется только управленіемъ Французами, оставитъ Альпы между Франціею и Италіею, Аппенины между республикою Генуезской и Піемонтомъ, и тогда ужасныя приготовленія исчезнутъ предъ лицемъ мира.

Но пять сотъ тысячъ человѣкъ вооружится для сопротивленія безпорядкамъ, происходящимъ отъ честолюбія; и Бонапартію довольно было отложить только новыя побѣды, дабы ихъ обезоружить. Коалиція, ласкаясь получить успѣхи, не надѣялась даже и того, чтобы побѣда могла ей доставить что нибудь другое, кромѣ остановленія плановъ ей угрожающихъ. Чтобы понять, до какой степени державы оправданы сими самыми трактатами въ необходимости своего соединенія, то стоитъ только подумать о злощастныхъ слѣдствіяхъ, произшедшихъ послѣ многократнаго заключенія мира, ими подписываемаго и себѣ сказать, что кромѣ недавнаго завоеванія Неаполитанскаго Королевства, еще завоеваніе больше относящееся къ слѣдствіямъ мира, нежели войны, и принадлежащее къ 1806 году, когда Бонапарте послѣ четырехъ лѣтъ сдѣлалъ менѣе соединенія и умножилъ менѣе власти, есть

то самое; въ которой произвели противъ него злощастную войну.

Въ 1801 и 1802 годахъ Россія, Австрія и Англія заключили миръ; онѣ осудили себя на покой и предались молчанію.

Въ 1802 году Бонапарте требуетъ отъ Французовъ, чтобы они его именовали Консуломъ на всю жизнь, и онъ соединяетъ Піемонтъ съ Франціею.

Въ 1803 году онъ дѣлаетъ себя въ Италіянской республикѣ Президентомъ, похищаетъ Парму, испровергаетъ законы въ Швейцаріи и ею управляетъ, потомъ отдаетъ Луизіану Американцамъ.

Въ 1804 году похищаетъ у Тосканы Луку и Піомбино, возлагаетъ Императорскую корону на свою голову, и предписываетъ законы Голандіи, дѣлаетъ приказанія Папѣ, и угнѣтаетъ Неаполитанскаго Короля.

Въ 1805 году онъ во время мира похищаетъ Италіянскую корону, Генуезскія области, и перестаетъ, такъ сказать, похищать только тогда, какъ побѣда, кажется, даетъ ему болѣе удобности къ завоеванію.

Разсуждая по обыкновеннымъ военнымъ обстоятельствамъ, какое вооруженіе не было бы предпочтено сему принужденному и унизительному состоянію сдѣлавшемуся несноснымъ; и кто можетъ порицать Европу за то, что она хотѣла лучше подвергнуться случаю проиграть баталію, нежели быть всегда въ неизвѣстности, въ которой ежедневно теряла области?

Не могши найти въ трактатахъ того, чего тамъ нѣтъ; то есть, ни одного слова, которымъ бы можно было доказать, что думали оскорбить Францію, коснуться ея независимости, и не желая видѣть тамъ дѣйствительно находящагося всеобщаго возмущенія противъ Бонапартіева честолюбія, журналисты бросились къ мечтаніямъ.

Будучи принуждены уважать истину, или покрайней мѣрѣ убѣждены, что она достаточно отвѣчаетъ на всѣ ихъ ругательства, ихъ воображеніе устремляется на пять тайныхъ пунктовъ, въ которыхъ Лордъ Кастлеригъ самъ признался, что ихъ не должно было обнародывать. Для сраженія съ ними они сами же ихъ утверждаютъ, и выдумываютъ для того, что бы ихъ опровергать; но какъ надобно по слѣдствіямъ истинной справедливости, чтобы коварство всегда обнаруживалось, то они не могутъ, предполагая, что имъ то казалося всего проще и вѣроятнѣе, избѣжать употребленія въ своихъ выраженіяхъ дерзости, а въ дипломатикѣ плутовства.

1й *Пунктъ: Бельгія будетъ соединена съ Голандіею;* а для кого бы сдѣлано было, на счетъ древняго наслѣдія Австрійскаго дома, подобное увеличиваніе въ семи соединенныхъ областяхъ?

2й *Пунктъ: Оранжской домъ будетъ возстановленъ въ достоинствѣ Штатгалтера.*

Но развѣ тутъ есть какое сумнѣніе, что Англія, видѣвшая Принца Оранжскаго утвердившаго судьбу свою въ Германіи на счетъ сей Имперіи, домогается еще возвратить опять Голандіи конституцію а паче правителя, коего преданность ей извѣстна, какое вѣроподобіе, что это важнѣйшія и самыя сокровенныя условія тракта, въ которомъ Пруссія ни во что не мѣшалась.

3й *Пунктъ: крѣпости Маса будутъ служить безопасеніемъ и имѣть Австрійскіе и Россійскіе гарнизоны.*

Нѣтъ ничего простѣй; и чтобы выдумать условіе сего рода, воображеніе журналистовъ не много трудилось; но чтобы произвесть вѣроятіе, что оный былъ поставленъ въ тайной пунктъ условія столь дѣтскаго, которое только можетъ родиться отъ слабости средствъ въ первое время новаго Штатгалтера въ Голандіи, то надобно имѣть свѣденіе о легковѣріи читателей, коимъ они рекомендуютъ подобное трактованіе.

4й *Пунктъ*: *Савоія и Графство Ницца будутъ соединены съ Піемонтомъ.*

Этотъ пунктъ одинъ вѣроподобенъ, и ежели онъ не есть дѣйствительно одинъ изъ пяти, вѣроломно въ Парижѣ дополненныхъ, то сіе потому, что Коалиція, намѣреваясь возвратить Королю Сардинскому его области, конечно не почитала себя обязанной заниматься провинціями несправедливостію и похищеніемъ отъ него

дѣленными, такъ какъ онѣ не принадлежали къ дѣлу.

Наконецъ 5. Пунктъ: ежели успѣхи будутъ таковыми, какими ихъ ожидаютъ, то городъ Ліонъ отдается во владеніе Сардинскаго Короля.

Городъ Ліонъ! вторая столица Франціи уступленъ по трактату, въ которомъ Австрія не говоритъ ни о Бургонскомъ округѣ, ни объ Альзасѣ, ни Лотарингіи; кому неизвѣстно, что владѣніе Ліона влечетъ за собою и Дофинъ, или по крайней мѣрѣ Бресъ и Бюжей; да и какой читатель столько будетъ слѣпъ, чтобы подпасть грубымъ сѣтямъ, разставленнымъ ему французскою дипломатикою?

Ахъ! конечно Сардинской Король, ожидавшій нѣкоторыхъ вознагражденій отъ постояннаго и вѣрнаго дружества Россіи, и привыкшій съ горестію слышать о замѣнѣ и вознагражденіи за сіи прекрасныя долины По, отъ коихъ ему надлежало отказаться, сказалъ въ Коалиціи: вы недовольно сдѣлаете для меня, возвративъ мнѣ всѣ мои области, мнѣ надобно еще крѣпкой городъ въ срединѣ самой Франціи. Коего владѣніе тревожило бы ее до такой степени, чтобы онъ былъ для меня залогомъ неугасаемой войны. Возмутите всѣхъ Французовъ противъ себя, производите войну, которую мудрость другихъ вашихъ плановъ превратила бы въ личную, изнощите всѣ свои силы, ежели надобно, разруште всѣ ваши благоразумныя мѣры, и

оставте мнѣ городъ, которой въ высочайшей степени моего могущества я не могъ бы никогда сохранить.

Но для чего при свободномъ выборѣ въ пространномъ полѣ воображенія, предпочли употребленіе неосновательнаго намѣренія, тысяча согласныхъ условій, кои можно было также выдумать..... Для того, что нападая на Коалицію исполнили двѣ цѣли вдругъ и посѣяли нѣкоторыя сѣмена раздора и безпокойства въ городѣ, коего мнѣніе всегда внушаетъ недовѣренность.

Нѣтъ, не надлежало имѣть много способности Великобританскому кабинету и его повѣреннымъ на то, чтобы привесть въ существо подобныя мечты. Искренность, означающаяся въ трактатахъ, отвѣчаетъ впередъ за ихъ тайныя пункты, и ихъ мнимое вѣроломство, проходя чрезъ Французскіе журналы, намъ напоминаетъ о сихъ ликерахъ, кои принимаютъ иногда дурной вкусъ, отъ сосуда ихъ содержащаго.

Но время оставитъ сихъ писателей Французскаго правительства, упоенныхъ щастіемъ, и обѣщающихъ всей Европѣ политическую независимость, въ которой она примѣчаетъ теперь разсвѣтъ блистающей Авроры; поднявъ покровъ будущности, мы осмѣлимся возвратиться къ сему вліянію федеративной власти на твердой землѣ и предсказать Европѣ то же, что нещастная Кассандра предвѣщала Троянцамъ едва удостоившимъ ее выслушать.

Ежели Россія по своему безкорыстію и положенію была поставлена главою въ Коалиціи, которой Британской Кабинетъ не могъ простерть такъ далеко, то Австрія на противъ того своими согласными пунктами съ Франціею и остаткомъ сего политическаго перевѣса, держащагося давно въ ея кабинетѣ, играла главную роль; выставляя болѣе прочихъ солдатъ, она хотѣла употребить болѣе прочихъ и своихъ мыслей, перемѣнить планы другихъ державъ на ея, и ввести своихъ союзниковъ въ сей Лабиринтъ требованій, въ которомъ она давно блуждала, между химерическими мечтаніями своего кабинета, и дѣйствительными нещастіями своихъ армій.

Конечно надлежало ласкать Баварію, преклонить честными и откровенными переговорами союзника еще не рѣшительнаго, не терять въ маловажныхъ сужденіяхъ и дипломатическихъ оборотахъ ни одного дня, часа, ни мысли; удалять Баварскаго Курфурста отъ Франціи, а паче отъ злощастныхъ почестей ему угрожавшихъ; во ожиданіи Россіянъ, не могущихъ перейти такъ скоро раздѣляющее ихъ пространство, должно было держаться въ оборонительномъ положеніи; довольствоватся защищеніемъ корпусовъ Германской арміи, соединяющихъ ее съ Италіянскою, и думать болѣе о пользѣ сильнаго подкрѣпленія, готовящагося на сѣверѣ; дѣйствовать согласно со всѣми; особливо ничемъ не спѣшить; не бросаться во внутренности

земли, покрытой оскорбленіями; выигрывать время; заслуживать довѣренность Германскихъ чиновъ; ободрять Пруссію вмѣсто устрашенія; жертвовать большимъ выгодамъ малыми; не прилѣпляться съ такою упорностію къ шестидесяти лѣтней политикѣ; наконецъ соединить свои силы, назирать за положеніемъ духа своихъ войскъ и сѣять въ оныхъ надежду вмѣсто унынія, не полагаться на систему столько разъ измѣнившую, и не выбирать Генерала толико неускуснаго, сколь нещастнаго и столько же довѣрчиваго въ кабинетѣ, сколько нерѣшительнаго предъ непріятелемъ.

Но вспоминовеніе всѣхъ сихъ заблужденій, которыхъ могли избѣжать, изображеніе всѣхъ учиненныхъ проступковъ, означеніе Генераловъ, какъ тѣхъ, коихъ должно было удалить, такъ и тѣхъ, которыхъ надлежало держаться, не есть ли описаніе сей нещастной кампаніи, которая въ два мѣсяца доставила Французскимъ войскамъ древнюю столицу Имперіи — единую, которая въ теченіи осми вѣковъ одинъ только разъ трепетала.

Ежели бы С. Петербургской кабинетъ сдѣлалъ хотя одно разчисленіе, о возможности видѣть Австрійскую Монархію уничтожившуюся, такъ сказать, въ нѣсколько дней, то Исторія по справедливости приписала бы ему не умѣстную осторожность и дѣтскую предусмотрительность. Не взирая на минувшія произшествія, какъ на

такую истину, которая будетъ казаться нѣкогда невѣроятною, можно было полагаться на Австрію въ одной или двухъ кампаніяхъ, и когда самая безпечность не можетъ не согласиться, что должно было почитать не возможнымъ, чтобы Французы были въ три мѣсяца въ Вѣнѣ, то надобно согласиться, что никогда политика не принимала столько предосторожностей въ приготовленіи благоразумнѣйшаго плана и увѣреніи себя въ важнѣйшихъ успѣхахъ.

Коалиція не на одну Австрію полагалась, намѣреваясь проникнуть въ сію часть Германіи, которую должно къ нещастію почитать передовыми постами Франціи: будучи принуждены недовѣрять не войскамъ ея, но планамъ, также невѣрной и робкой тактикѣ Генерала Макка, приняли благоразумнѣйшія предосторожности; сто пятнадцать тысячъ Россійскихъ войскъ шли скорымъ маршемъ въ Моравіи и за Инномъ, надлежало ожидать соединенія, обнадеживающаго въ возможности возпринять всюду оборонительное положеніе.

Полагая, что послѣ такаго важнаго соединенія могли бы съ трудомъ принудить толь искуснаго непріятеля къ отступленію, то правильно заключали, что сильная Диверсія, составляющаяся въ Ганноверѣ, его принудитъ по крайней мѣрѣ къ обратному движенію. Какъ Швабія, Бавaрія и Франконія сдѣлались военнымъ позорищемъ, то всѣ арміи Державъ приступившихъ къ союзу, выключая Италіянской,

соединясь въ одинъ центръ, соединились и составили бы неизчисленную силу; и ежели бы какимъ происшествіемъ, котораго однакожь не можно было предвидѣть, Франція наруша неутралитетъ Пруссіи, изпровергла однимъ ударомъ и въ одинъ день одиннадцатилѣтнюю систему, то сія Коалиція разсуждаемая по своимъ нещастіямъ, а не по предпріятію, сдѣлалась бы однимъ изъ прекраснѣйшихъ соединеній, которое только политика понять можетъ.

Уже три мѣсяца война была неминуема, и Бонапарте притворился не только предложеніемъ мира Австріи, но даже снизшелъ такъ сказать до того, что его просилъ. Онъ ее вызвалъ на Ломбардскія долины и сдѣлалъ неизбѣжною чрезъ соединеніе Генуезской республики; но между тѣмъ, будто бы былъ не извѣстенъ въ своемъ Булонскомъ лагерѣ, что всеобщее вооруженіе сильно разстроитъ сіе страшное предпріятіе, которое съ давняго времени было только политической маскерадъ. Онъ могъ бы разорвать Коалицію при самомъ ея началѣ, отвратить угрожающее зло Франціи, пожертвовать своимъ честолюбіемъ спокойствію своего отечества; но онъ на противъ того пожертвовалъ отечествомъ, которое не занимаетъ мѣста въ его сердцѣ, симъ продпріятіямъ своего увеличиванія, давно обращающимся въ головѣ его. Желѣзная корона, которую онъ принялъ спокойно, можетъ быть стоила ста тысячъ солдатъ сей самой Имперіи,

которая доставила ему одинъ изъ прекраснѣйшихъ троновъ вселенной; гордость его произвела войну, а честолюбіе сдѣлало ее всеобщей; она была совершенно составлена противъ него, одинъ онъ былъ тому причиной; и однакожь не внимательная Европа оставила ему время и всѣ средства сдѣлать ее національною.

Ежели бы въ сію эпоху союзныя Державы, рѣшившіяся идти прямо противъ сего честолюбца, имѣли подлинно политическую отважность обнаружить истинныя причины войны; ежели для выиграніе времени не потеряли бы дѣйствительной выгоды, которую имѣли предъ нимъ: то Бонапартію трудно бы было доказать Французамъ, у которыхъ не требовали ничего другаго какъ только, чтобы они не допускали себя угнетать, что ихъ щастіе и слава зависила отъ пролитія ихъ крови, на то, дабы Ломбардія сдѣлалась собственностію его фамиліи.

Державы имѣли величайшую выгоду въ объясненіи, начальникъ Французкаго правительства великую выгоду въ отклоненіи вопросовъ о завладѣніяхъ. Онъ могъ противу поставить войски, шедшимъ противъ него войскамъ; упреки тысячѣ дипломатическимъ укоризнамъ всегда столь легкимъ въ опысканію: одной только истинѣ онъ ничего не могъ предположить, и для отраженія зла, которое она долженствовала ему причинить, господинъ Талейранъ спѣшилъ предупредить ударъ, и начать сію

писменную войну, въ которой отсутствіе честности дѣлаетъ побѣду столь удобной.

Не думали въ Вѣнѣ, С. Петербургѣ, въ Лондонѣ, что Французское правительство будетъ обмануто симъ военнымъ неутралитетомъ, на которое онъ отвѣчалъ соединеніемъ Лигуріи; но надѣялись выиграть нѣсколько недѣль переговорами и полагались на разстояніе, тогда, какъ должно было полагаться на важность объявленій Франціи о причинѣ разрыва, готовящагося требовать отъ нее столько жертвъ.

То, о чемъ нерадѣли въ Европейскихъ кабинетахъ въ теченіе Сентября, было единымъ предмѣтомъ стараній Бонапартія: уважая лучше мнѣнія нежели угрозы, онъ началъ играть роль неблагоразумія; притворился, что былъ уловленъ въ своей безпечности, обманутъ въ политикѣ и что сдѣлался жертвой чрезмѣрной любви къ миру. Онъ подложилъ огонь подъ Европу за одного себя, и одинъ стоналъ по среди своего народа о нещастіяхъ, отъ которыхъ онъ не могъ болѣе его пощадить; съ симъ быстрымъ взоромъ, котораго нельзя у него оспоривать, онъ расположилъ свои колонны, двинулъ всѣ свои войска, далъ приказаніе своимъ полководцамъ, оставилъ Булонь, велѣлъ дѣлать форсированные марши, употребилъ всѣ революціонныя средства ему оставшіеся, прискакалъ съ безпокойствомъ въ Парижъ, дабы придать войнѣ національное движеніе, которое для него было нужно ей внушить.

Политическіе наблюдатели, описывающіе только сраженіе, отважные марши и коварные переговоры во время сего мѣсяца Сентября, ему столь драгоцѣннаго, должны разсмотрѣть сего чрезвычайнаго человѣка.

Посмотрите его посреди совѣта, такаго мѣста, откуда во всѣ концы стремятся обширной его власти наставленія, приказанія, угрозы и вознагражденія; посмотрите его посреди Министровъ, которые управляютъ мнѣніемъ лаская и перемѣняя оное; онъ ничего не упускаетъ, и пользуется всемъ; по его приказанію публичныя мнѣнія, Епископскія проповѣди управляли сердцами правовѣрныхъ, ученые префекты чиноправителями, а театры всѣми праздными.... никто не былъ безполезенъ, всѣ сѣютъ или пожинаютъ; бывъ поражены вдругъ и со всѣхъ сторонъ одними предмѣтами и однѣми мыслями, безпокойной человѣкъ ободряется, нерѣшительной приступаетъ къ дѣлу; равнодушной получаетъ новой огонь, и вся Франція, наэлектризованная отъ одного края до другаго, приходитъ въ ярость противъ Англіи, обманувшись въ проводникѣ, привлекшемъ къ ней громовую стрѣлу.

Пусть размотрятъ Парижъ въ сію минуту, и увидятъ тамъ Бонапартія, который помрачаетъ всѣ умы, обращаетъ рѣчи ко всѣмъ трибунатамъ; слушаетъ привѣтствія всѣхъ совѣтовъ; идетъ въ сенатъ взять со славою военной штандартъ, по всюду окруженъ невидимымъ воискомъ изъ

людей ему преданныхъ, проворныхъ и искусныхъ, его ни что не удивляетъ, не затрудняетъ и не останавливаетъ; пусть сравнятъ сію чрезмѣрную дѣятельность съ симъ духомъ умышленнымъ, несогласнымъ, безпорядочнымъ, нерадивымъ, робкимъ и разстроеннымъ, которой въ сію самую епоху овладѣлъ Вѣной.

Надобно обратиться туда, чтобы судить о войнѣ; она была тѣмъ, чемъ должна быть, и ея нещастія суть обыкновенныя слѣдствія такихъ основаній, на коихъ она начата. Сіи храбрыя войска, принесенныя въ жертву; сіи почтенные люди, которые проглотили можетъ быть пыль произнеся еще священное имя отечества, суть невинныя жертвы, павшія не столько отъ штыковъ, сколько отъ сильной партіи, надеющейся получить миръ, и повергшей чрезъ то Австрію во всѣ ужасы нещастной войны.

Въ Германіи существуетъ Коалиція и очень сильная, ибо она невидима и совершенно согласна; то есть, нѣкоторое общество людей, которое, раздѣливъ по себѣ полезныя знанія, рѣшилось все изпровергать, дабы всѣ принуждены были прибѣгать только къ нимъ. Будучи увѣрены, что открывъ себя, откроются скоро и ихъ планы, они согласились, для удобнѣйшаго достиженія своей цѣли, поражать своими ударами во мракѣ; ето тѣ, кои занимаютъ вторыя мѣста и управляютъ находящимися на первыхъ, тѣмъ вѣрнѣе они приводятъ ихъ въ заблужденіе, что дѣй-

ствуютъ ими не подавая виду, а паче что сіи полномочныя особы не могутъ подозрѣвать надъ собою иностраннаго вліянія.

Они-то указали средства напасть съ жестокостію на Австрію, а ее заставили нерадиво защищаться; они отвлекли Баварію, отвратили великодушное участіе Короля Прусскаго, и ввергли во всѣ области Имперіи сей духъ сумнительности, безпокойства и слабости, которой довершилъ подверженіе Нѣмецкой земли Франціи, то непріятельскимъ то союзнымъ образомъ.

Окруженные людьми робкими ихъ непонимающими, они сѣютъ страхъ и собираютъ плоды онаго; распространяясь по всюду, они нападаютъ на кабинеты, прокрадываются въ совѣты, въ канцеляріи и въ архивы; употребляютъ наипаче свое проворство на то, дабы притворяться въ неловкости и другихъ поощрять къ оной; все для нихъ полезно, когда они вездѣ вдругъ поражаютъ; мнѣніе большихъ городовъ ими обитаемыхъ, есть только куча идей, которыя они тамъ разсѣваютъ, и часто непростительныя погрѣшности, чего и по нынѣ еще не могли изъяснить, содержали менѣе ужаса со стороны тѣхъ, кои ихъ учинили, нежели кои побудили ихъ учинить.

Ежели спросятъ, кто могъ внушить духъ противурѣчія во всѣхъ отрасляхъ правленія великой Монархіи, разрушить ея дѣйствующія средства и разстроить колеса? То дается слѣдующей отвѣтъ: что

собраніе людей, которые съ новыми мыслями захотѣли дать ходъ старымъ конституціямъ; чрезъ нихъ все объяснится и можно понимать, для чего и какимъ образомъ. Между тѣмъ какъ волшебной прутикъ Бонапарте оживлялъ духъ въ Парижѣ; въ Вѣнѣ напротивъ того казалось, съ намѣреніемъ подкапывали основаніе древняго зданія, такъ, что никто болѣе не думалъ о его поправленіи.

Ежели Французскіе журналисты упрекали Коалицію въ томъ, что она нерадѣла въ своемъ состояніи, о обдумываніи всѣхъ средствъ защиты со стороны Франціи; то ето нужно было для того, дабы не учинить противъ нее болѣе несправедливости; кабинеты, искусныя опытностію, не только разочли на сей разъ истинную силу своихъ войскъ, духъ ихъ оживляющій и свои побужденія, но также и великія затрудненія, кои могли имъ встрѣтиться у ея границъ; для того что совершенно обдумали и предвидѣли съ благоразуміемъ, истинно замѣчательнымъ, препятствія, могущія представиться въ нападеніи на Францію въ ея крѣпостяхъ, столь трудныхъ и почти не возможныхъ къ завоеванію. Но не имѣя ни какаго намѣренія на побѣды, безполезно было покупать осадами единыя средства своего поддерживанія, и ежели бы захотѣли достигнуть самой ея средины, то можетъ быть должны бы были надѣяться, когда бы принудили свои войска идти во внутренность и начать единую,

правильную осаду публичнаго духа Французовъ, а паче великой славы честолюбиваго человѣка, которой ими управляетъ и жертвуетъ своимъ выгодамъ.

Сдѣлавъ Ерцгерцога Карла предводителемъ Италіянской арміи, могли правильно надѣяться въ Вѣнѣ не только остаться на Адижѣ, но еще проникнуть въ Ломбардію, и можетъ быть и до подошвы Алпійскихъ горъ. Для утвержденія войскъ въ совершенномъ соединеніи, полагали за великую важность устремиться въ Швейцарію, какъ безконечной цитадели, коею природа прикрыла одну слабую сторону Франціи, представляющуюся ея непріятелямъ; и поспѣшность которую Австрія употребила въ усполненіи сего плана, не отверженнаго самою Коалиціею, была точно одною изъ причинъ, навлекшихъ столько нещастій.

Принужденные сносить всѣ тяжести войны до прибытія Россіянъ, Австріицы, дабы скрыть свои непріятельскія намѣренія, медлили вступать въ переговоры съ Баваріею; уже вступили на ея земли, и съ ней не условились еще о семъ: Курфирстъ, дѣйствительно устрашенной, видя свои земли занятыя войсками, кои раздражась, могутъ изпровергнуть его власть, колебался между двумя союзниками почти равномѣрно опасными, какъ продолжительная медленность переговоровъ, присоединясь къ его родительскому безпокойству о пребываніи своего сына въ Парижѣ, и къ ложнымъ наущеніямъ своихъ приближенныхъ

преклонили его пожертвовать своею владѣтельною независимостію политическому положенію.

Съ обѣихъ сторонъ конечно мало имѣли довѣренности въ семъ важномъ переговорѣ; каждый день, каждое произшествіе означали различныя несогласія; и ежели Курфирстъ казался нерѣшительнымъ и слабымъ до послѣдней минуты; то видно изъ сухости и жестокости условій, требованныхъ Австріею, что тогда Вѣнской кабинетъ предпочиталъ право пройти чрезъ Баварію по-непріятельски, неоцѣненной выгодѣ утвердиться въ ней посредствомъ союза.

Сей первой политической проступокъ, сдѣланной одинъ разъ, навлекъ скоро необходимости учинить и другіе; какъ не могли болѣе ожидать Французовъ позади Инна, какъ то было условлено съ Санктпетербургскимъ кабинетомъ, то нашли себя принужденными перейти Изеръ и Лехъ, вступить во внутренность земли, въ срединѣ которой было нѣсколько опасно располагаться; и поелику Курфирстъ удалился съ своими войсками въ новыя свои Вирцбургскія области, то воспользовались родомъ военнаго неутралитета, какъ казалось имъ предлагаемаго, и вступили въ Аугсбургъ и Донауверть, въ надеждѣ получить въ Швабіи первое сраженіе съ Французами.

Вся Европа обвиняетъ Генерала Макка: друзья и непріятели, всѣ соединились

укорять, и мы также не будемъ его оправдывать. Но не въ планѣ должно его порицать, которой подозрительная политика Вѣнскаго кабинета сдѣлала необходимымъ; а въ томъ, что онъ не имѣлъ въ его исполненіи сей Спартанской силы, которая заставила Леонида обрести почтенной гробъ въ узкомъ проходѣ, гдѣ триста героевъ не думали даже сдаться тремъ стамъ тысячамъ человѣкъ. Можно, да и должно столь хорошимъ войскомъ, каково Австрійское, овладѣть положеніями Вертингена и Гинцбурга и думать о защищеніи: но надлежало сдѣлать Термопиловъ своего отечества для того, чтобы укрѣпиться въ Ульмѣ; при нещастномъ случаѣ считать за множество побѣдъ каждой день, въ которой армія, вырывая мѣдленно свою могилу, доставила бы Россійской арміи средство подоспѣть къ прикрытію столицы, не могущей болѣе защищаться.

Что Коалиція почитала для себя не важнымъ, то Французское правительство видѣло совсемъ въ другомъ видѣ; когда мнѣніе одинъ разъ согласовалось во Франціи; война была объявлена національною, вооруженіе державъ почтено злоумышленіемъ на достоинство Французскаго государства; то Бонапарте отправился изъ Парижа, справедливо увѣренной что онъ влечетъ за собою власть требовать отъ всѣхъ Французовъ послѣдней капли крови

для защиты въ такой ссорѣ, которая имъ была чужда.

Въ Вѣнѣ считали успѣхи марша, которые могла сдѣлать Булонская армія для приближенія къ верхнему Рейну; а онъ разчислялъ то, что ему можно требовать ежедневно отъ стараго солдата, которому онъ зналъ искусство горячить голову. Австрійская тактика измѣряла пространство; начальникъ Французскихъ войскъ измѣрялъ только энтузіазмъ, которой онъ умѣлъ внушать; и между тѣмъ, какъ, бывъ еще въ Баваріи, надѣялись утвердиться въ Швабіи и тамъ занять важные проходы; Бонапарте перешелъ Рейнъ между Спейеромъ и Страсбургомъ, подавался впередъ въ пяти страшныхъ колонахъ, и принялъ дерзское намѣреніе броситься въ средину непріятеля съ тою увѣренностію, что ежели онъ его разъ приведетъ въ изумленіе, то не будетъ имѣть нужды съ нимъ сражаться.

Перваго Октября Французскія войска вступили въ Германію. Бонапарте, подобно симъ источникамъ Лавы, которые увлекаютъ всѣ находящіяся при подошвѣ Везувія селенія, не былъ нерадивъ, минуя союзъ Курфирстовъ Баденскаго и Виртембергскаго; онъ обеспечилъ себя въ вѣрнѣйшемъ и удобнѣйшемъ сообщеніи съ своею заднею арміею; онъ узналъ съ сего времени важность окружать свои обширныя владѣнія малыми областями, и онъ готовилъ уже своей власти сей федеративной поясъ,

которой впредь будетъ управляться по волѣ его политики.

Ежели бы планъ, принятой Бонапартіемъ, былъ исполненъ съ меньшею дерзостію, и Генералъ, его выдумавшій, былъ бы удерживаемъ въ своихъ видахъ, или верховнымъ повелѣніемъ или страхомъ отвѣтствованія, то вѣроятно онъ бы могъ только погибнуть, а Французская армія ввергласъ бы въ пропасть, изъ коей ни что не могло бы ее извлечь: но что было предкновеніемъ подобнаго предпріятія и его дѣлало неудобоприступнымъ для другаго государства, такъ это революціональное и жестокое средство, достойное временъ ужаса и несправедливости: похищеніе земли сильнаго друга, и оскорбленіе союзника, котораго сохранить неутралитетъ весьма было выгодно, были подлинныя причины, возбудившія войну, противъ законовъ благоразумія а паче противъ всѣхъ нещастныхъ правъ.

Исчислили въ Австрійской арміи силу колоннъ, которые могли перейти Рейнъ въ окружности Стразбурга; знали по нещастію очень вѣрно какія были корпуса, приближавшіяся къ Швабіи и недолжны были опасаться въ окружности Донауверта арміи Бернадота, которой не иначе какъ только чрезъ весьма большой оборотъ могъ избѣжать Маркграфствъ, кои проходить запрещали ему священнѣйшіе трактаты.

Какъ Бонапарте былъ остановленъ на минуту сей святостію трактатовъ, на-

рушеніе коихъ онъ только себѣ одному поставлялъ въ право, то кампанія перемѣнила видъ. Не смѣя напасть на непріятеля между Донаувертомъ и Ингольштатомъ безъ того, чтобы не ввесть колоны въ Баварію и не прикрыть лѣвой ея стороны угрожаемою опасностію, онъ былъ принужденъ, ежели бы Бернадотъ не перескочилъ, такъ сказать, разстояніе, начать въ Швабіи оборонительную войну, которая потребовала бы скоро сѣѣстные припасы на счетъ Алзаса и Лотарингіи.

Очень увѣренный изъ опытности, что щастіе все скрываетъ и все исправляетъ, онъ разсчелъ, что только побѣда, а не честность могла ему сохранить союзника, коего страхъ а не почтеніе приковалъ давно къ его колесницѣ; и какъ его политика однимъ оборотомъ его шпаги представляющіяся ему трудности уничтожала, то онъ разсуждалъ съ сей минуты, что успѣхъ его войскъ положитъ въ Берлинѣ рѣшеніе тому, что нарушеніе въ Анспахской области было затрудненіе или оскорбленіе.

Уже сказано (говоря о вспомогательныхъ деньгахъ, въ коихъ Европейскія державы имѣютъ нужду, чтобы вести войну успѣшнѣе), что подобныя совокупленія идей, планы столь гигантическіе могли раждаться только въ головѣ привыкшей ко всѣмъ революціоннымъ поступкамъ. Чего стоитъ государству его щастіе и спокойствіе: — духа независимости всѣхъ зако-

новъ, разрѣшенія всѣхъ установленій, всѣхъ связей и всего уваженія, перешедшаго отъ одного народа къ другому, совершеннаго нераденія о гражданскихъ договорахъ; все сіе содержитъ возмущенія и сіи великія приключенія, которыя всегда покушались смѣшивать со славой, потому, что Магомедъ не признавалъ кромѣ Алкорана имъ сдѣланнаго, дѣти его завоевали Азію: а Тамерланъ и Чингисханъ потому покоряли народовъ около ихъ находящихся, что не знали ихъ законовъ; и Бонапарте, прикрывающейся въ невѣденіи священныхъ основаній, на коихъ существуютъ права нынѣшнихъ государствъ, возносится на высоту сихъ славныхъ завоевателей, и позволяетъ себѣ чрезъ то власть и право перемѣнять видъ земель его окружающихъ и духъ того вѣка, въ которомъ онъ будетъ жить.

7го Октября Французы, послѣ сорока дневнего форсированнаго марша, пришли къ берегамъ Дуная; предводитель, знавшій ихъ менѣе, допустилъ бы въ покоѣ примѣтить свое утрудженіе; но Бонапарте велѣлъ дѣлать атаку и напасть на средину Австрійскихъ корпусовъ, занимающихъ берега Леха, прежде, нежели они увѣрились, перешелъ онъ Рейнъ; 8го числа дрались при Вертингенѣ, 9го при Гинцбургѣ, 11го въ Мемингенѣ; вездѣ Французскія войска, превосходящія числомъ, пользовались сею бережливостію людей и разборчивостію средствъ, кои стоили Австрійцамъ толи-

каго числа солдатъ, денегъ и областей. Генералы, побѣждаемые каждой день, изтощенные тѣмъ, что предводительствуя только раздѣленными колонами, должны были подвергатся частнымъ сраженіямъ, скоро теряютъ бодрость; еще болѣе когда увидили, что Французское изступленіе забавляется ихъ благоразуміемъ и методою. Хотя привыкли исполнять свою должность на открытомъ полѣ такъ какъ на парадѣ, но лишенные сего усердія, безъ котораго не можно управлять долго ни произшествіями ни людьми, они начали считать затрудненія, вмѣсто того, чтобы ихъ испровергать, и поступали съ симъ военнымъ искусствомъ, въ которомъ храбрость и случай играютъ великія роли, какъ въ такой игрѣ, въ которой должны уступать, когда имѣютъ противъ себя всѣ вѣроятности невыгодъ.

Говорили о измѣнѣ, сумнѣвались въ храбрости. Европа, обманутая въ своемъ ожиданіи, имѣла можетъ быть право быть на минуту несправедливой; но мы не будемъ ей подражать. Обманывались тогда во всѣхъ дѣйствіяхъ, не желая никого обманывать. Воины, искусившіеся въ пятнадцати кампаніяхъ, могли помрачить свои лавры, не унижая своего благороднаго характера. Ложной духъ, царствовавшей въ Австріской арміи, совершенное отсутствіе живости, національной гордости и истиннаго патріотизма, довольно изъясняютъ все, и суть плоды мнимой филантропіи,

овладѣвшей въ Германіи всѣми умами уже двадцать лѣтъ.

Сія филантропія, щадя пролить нѣсколько необходимыхъ капель крови, разлила оной потомъ потоки; она заставила подписать сіи мнимые трактаты мира, которой служитъ къ умноженію безпорядка; она побуждаетъ къ войнѣ, съ оправленіемъ заставляетъ предпочесть униженіе достоинству, ослабляетъ великой духъ, удерживаетъ великодушныя намѣренія, доставляетъ соучастниковъ всему тому, что клонится къ слабости, убѣждаетъ Генераловъ рожденныхъ храбрыми, что можно услужить человѣчеству пощадою нѣсколькихъ солдатъ, когда оная даже противна отечеству.

Австрійскіе Генералы, нерѣшительные въ воинскомъ испѣхѣ, неосогласные между собою, раздѣленные злобою, которой корни простирались до подножія трона и безкуражные тѣмъ, что безпрестанно были окружаемы, начали въ Мемингенѣ сію безпримѣрную войну, въ которой покоряя все счисленію, ихъ видѣли считающихъ своихъ солдатъ, вмѣсто того чтобы вести ихъ на сраженіе, и приводящихъ всѣ воинскіе случаи въ ариѳметическія правила.

Но Ульмъ взятъ, Австрійская армія изпровергнута; тщетно Эрцгерцогъ Фердинандъ уводитъ часть оной, тщетно Принцъ Роганъ старается спасти нѣкоторые остатки; Вѣна скоро остается безъ защиты. Генералъ Маккъ, принужденной

подпасть подъ иго, не могъ даже надѣятся и на срокъ, данной ему первой капитуляціей; онъ выпрашиваетъ вторую, скажутъ что онъ жаждетъ стыда такъ какъ другіе жаждутъ славы. Бертье соглашается на его желаніе, 18го договариваются, 20го дается знакъ; торжество Самнитянъ возобновляется; цѣлая армія отдается безъ трепету ширенгамъ другой арміи. И съ сей минуты Вѣна лишается защиты, а Австріская монархія политическаго существованія, и имъ остается для сопротивленія двадцати побѣдоноснымъ колонамъ только одинъ двадцати тысячной корпусъ подъ командою Генерала Киптеера, которой тотчасъ соединяется съ первой Россійской колонной поспѣшно приближающейся.

Представляется исторіи, ежели только она на то когда отважится, разбирать въ безконечномъ числѣ записокъ о Французской арміи, сіи сраженія, коихъ самое количество доказываетъ, что не безъ осташковъ древней славы различные корпусы Австрійской арміи достигли Богеміи; есть-ли Вернекъ и Спангенъ подписали постыдныя капитуляціи, то храброе поведѣніе Генераловъ Вольфскеля и Желахиша приводятъ на память блистательныя времена Клерфетовъ и Вурмзеровъ, и самое отступленіе Эрцгерцога, служатъ доказательствомъ для всей Европы, что Австрія была бы спасена, когда бы ея почтенной защитникъ былъ при ней.

Перваго Октября Бонапарте былъ еще въ Страсбургѣ; 24 вступилъ съ Тріумфомъ въ Минхенъ. Напрасно Курфирстъ пріѣхалъ изъ Вирцбурга въ свою столицу для принятія избавителя, которой привезъ ему только цѣпи; не уважая его безпокойствія, притворились почтить его собственными его землями, и съ того времени онъ имѣлъ только видъ великаго Вассала, принадлежащаго свитѣ и двору Государя имъ возвышаемаго.

Но одна изъ трехъ колоннъ, которые должны были составить Россійскую армію, была уже въ окружности Бранау; сіи храбрыя войска, которыхъ отъ недоброжеланія или невѣденія обвиняли въ мѣдленности похода, прошли больше половины Европы съ безпримѣрною поспѣшностію; ежели они не находились въ ту минуту на военномъ позорищѣ какъ началась война, то это потому, что разстояніе ими перешедшее было втрое того, какое перешли Французскія войска; а между тѣмъ время на оное употреблено было только вдвое; было только двадцать два дни послѣ перваго появленія Французовъ на Дунаѣ и Лехѣ, какъ ихъ увидили на другомъ концѣ Баваріи, и ежели бы Маккъ, вмѣсто устремленія за своимъ стыдомъ, имѣлъ еще храбрость защищаться отъ пораженія только двадцать дней, то Ульмъ былъ бы спасенъ, кампанія перемѣнила бы видъ, и два великія Государства, кои не могли согла-

ситься въ нещастіи, соединились бы свободно подъ знаменами побѣды.

Восторги въ Минхенѣ не препятствовали Бонапартію идти прямо къ Вѣнѣ, и уже дивизіи Маршаловъ Ласна, Давуста, Сульта приближались къ Инну, а Россіяне не были еще извѣстны о нещастіяхъ своего союзника. Полагаясь на честность храброй арміи, Аван-гардъ Генерала Кутузова прошелъ мимо Бранау, какъ корпусъ, которой спѣшилъ соединить свои силы съ многочисленнѣйшимъ войскомъ. Пусть судятъ о удивленіи, которое должно было произвесть въ сей первой колонѣ извѣстіе о соединеніи съ непріятелемъ, принудившее ее отступить и почесть за неблагоразуміе довѣренность, съ которой они полагались на Аван-постъ ста двадцати тысячь человѣкъ.

Участь войны была уже опредѣлена и Россійскія войска не начинали еще войны; въ союзѣ съ державой, обѣщавшей выставить триста тысячь человѣкъ, Россія могла причинить великую тяжесть въ политическомъ равновѣсіи; но сдѣлавшись союзникомъ такой державы, которая не могла соединить уже и тридцати тысячь человѣкъ передъ своей столицей, она нашла себя внѣ всякой соразмѣрности и средствъ. Обрушившаясь Масса была очень тягостна; она могла только замедлить минуту паденія; и ежели съ сей епохи Генералъ Кутузовъ старался удерживать себя на Иннѣ, Сальцѣ, Траунѣ, Енцѣ и Дунаѣ, то сіе

значило, что было не безъ надежды увидѣть прибывшаго Эрцгерцога Карла, и что онъ привыкъ полагаться на странности случая.

Но оставимъ записки о великой арміи, сочиненныя для легковѣрныхъ Парижанъ и основанныя на ихъ невѣжествѣ, кои прибавляютъ одно сраженіе къ другому, и побѣду къ побѣдѣ, какъ сіи Титаны, которые для осады Неба громоздили также горы. Невѣрность ихъ донесеній опровергаетъ часто и достовѣрныя; читая оныя, человѣкъ безпристрастной найдетъ тамъ ложныя имена, испровергнутыя положенія, тѣже дѣла представленныя подъ другими видами, тѣже выгоды произведенныя другимъ образомъ; всюду безчестность, разставляющая сѣти глупому самолюбію, и ложная слава журналистовъ, старающихся погребсти въ ложныхъ разсказахъ истинную славу воиновъ.

Пусть слѣдуютъ за Россійской колонной въ ея отступленіи, то увидятъ, что не взирая на необходимость, въ которую Австрійская армія ее повергла, чтобы соединиться съ двумя колоннами находящимися въ Галаціи, оная отступала въ такомъ порядкѣ, въ которомъ не видно совсемъ страха отъ превосходящаго числомъ непріятеля. Мюратъ ее преслѣдовалъ, но съ осторожностію, и дѣла Ламбаха и Амштетена служатъ болѣе доказательствомъ неперпѣливости Генерала Багратіона, утрудженнаго отступательными сраженія-

ми, нежели желанія Французовъ съ нимъ сражаться.

По здачѣ Ульма, Генералъ Кіенмейеръ собралъ часть Австрійской арміи, которая не могла перейти Дунай; и сей корпусъ до двадцати пяти тысячь соединился въ Бранау съ колонной Генерала Кутузова; симъ соединеніемъ могли съ надеждою защищать проходъ Инна и прикрыть Вѣну въ нѣсколько дней; но надлежало объясниться; а нещастіе, производящее часто несогласіе, не допустило до объясненія. Графъ Меерфельдъ начальникъ корпуса Генерала Кіенмейера, коего онъ принялъ начальство, отдѣлился отъ Россіиской колонны, дабы приближиться къ горамъ; онъ имѣлъ тайное намѣреніе соединиться съ Эрцгерцогомъ Карломъ; но какъ его корпусъ былъ совершенно разбитъ при Нейштадѣ, то Россіянамъ не возможно было не пожертвовать отважнѣйшимъ спасеніемъ великой столицы лишенной силы и защиты, той нужной необходимости, чтобы прикрыть Моравію, и соединиться со всѣми своими войсками.

Между тѣмъ какъ Россіиской Арріергардъ остановилъ въ Амштетенѣ всѣ дивизіи, соединившіяся вмѣстѣ подъ командою Мюрата, Генералъ Кутузовъ велъ свои войска къ Дунаю. На утро онъ перешелъ сію рѣку, и между тѣмъ какъ Князь Багратіонъ жегъ Кремской мостъ для отнятія средства у непріятеля его безпокоить при отступленіи, то новая колонна подъ

командою Генерала Мортье принудила его на лѣвомъ берегу къ славному Дирнштейнскому сраженію.

По признанію самихъ записокъ Французской арміи, Россіяне сражались блистательнѣйшимъ образомъ. Аудинотъ былъ раненъ, его гренодерскіе баталіоны приведены въ безпорядокъ, Маршалъ Бертье спасся бѣгствомъ на лодкѣ по Дунаю, и одинъ Генералъ былъ взятъ въ плѣнъ. Но при разбитіи непріятеля, Арріергардъ былъ не менѣе въ опасномъ положеніи; отдѣленный отъ корпуса Генерала Кутузова, спѣшащаго соединиться съ Генераломъ Бутгсгевденомъ, онъ принужденъ былъ удерживать дивизіи, которыя со всѣхъ сторонъ могли вступить въ Моравію. Вѣнской мостъ былъ оставленъ или по нераденію, или по слабости; и сіе отдѣленіе было бы отрезано войсками, приближающимися чрезъ Стокерау по Цнемнинской плотинѣ, безъ Галла-Брюнскаго сраженія, гдѣ Багратіонъ, воспитанникъ Суворова, показалъ себя достойнымъ своего учителя.

Для Россійской Арріергардіи не довольно было остановить въ продолженіе сего кровопролитнаго сраженія успѣхи трехъ сотъ тысячь человѣкъ, устремившихся на горсть солдатъ; но надлежало еще сдѣлать сіе пожертвованіе полезнѣйшимъ, выиграть время и доставить онаго Генералу Кутузову столько, чтобы сдѣлать два или три отступательные марша, а между тѣмъ занять переговорами непріятеля, которо-

му честь запрещала сдаваться, но строгіе воинскіе законы позволяли однако-жь его обмануть.

На двадцать часовъ перемиріе, переговоры Шенграбена, предложеніе, принятіе и отверженіе здачи были только военныя хитрости, которыя Князь Багратіонъ тѣмъ болѣе себѣ могъ позволить, что Мюратъ, приведшій въ заблужденіе Австрійскаго Генерала, которой прикрывалъ центръ Россіянъ, и увѣрившій его, что миръ подписанъ, казалось, давалъ ему на то въ сіе время правило и примѣръ.

13 Ноября Французы вступили въ Вѣну; 17 Бонапарте проѣхалъ чрезъ сію столицу. Онъ прискакалъ на Галло-Брюнское сраженіе и видѣлъ съ яростію, Россіянъ, вышедшихъ со славою изъ труднаго положенія, и скоро потомъ, какъ всѣ его дивизіи соединились при немъ въ окружности Брюна, онъ увидилъ себя передъ двумя первыми колоннами Россійской арміи, къ которой присоединился почти двадцати тысячной корпусъ подъ командою Принца Лихтенштейна.

Минута къ начатію большаго сраженія сдѣлалась неизбѣжна. Участь Вѣны приходила къ рѣшенію; Французы занимали сей городъ, но онъ также какъ и вся Австрія зависила отъ будущаго дѣйствія; и Бонапарте имѣлъ еще нужду въ одномъ ударѣ, для сраженія сей Австрійской Монархіи, которая представляла уже только одну голову.

Но чтобы поразить симъ ударомъ столь важнымъ и рѣшительнымъ, не только ему надлежало атаковать непріятельскую армію прежде, нежели третья колонна Россійской арміи могла достичь оной, но еще усилить свою соединеніемъ Бернадота, которой шелъ съ тридцатью тысячами войска. Съ недовѣрчивостію, происходящею отъ почтенія, рѣшился онъ сражаться съ войсками, коихъ преданности и храбрости онъ удивлялся противъ своей воли; и зависѣло отъ великаго искусства располагать по своему желанію днемъ, для приступленія къ сраженію всѣми своими силами съ непріятелемъ, которой бы имѣлъ благородную, но слишкомъ отважную смѣлость его принять прежде соединенія всѣхъ своихъ силъ.

Пусть перестанутъ удивляться ласкательствамъ Бонапартія, сдѣланнымъ отъ него въ сіе время Императору АЛЕКСАНДРУ Первому чрезъ письмо, доставленное Генераломъ Савари сему Государю; частыми посылками Адьютантовъ; его свиданіе на Брюнской плотинѣ съ Княземъ Долгоруковымъ, неудовольствіемъ, которое онъ показалъ послѣ сего въ томъ, что допустилъ его увидѣть съ толь малою пользою сей хаосъ, что онъ называетъ своей политикой. Всѣ сіи переговоры служили только къ выигрыванію времени, къ приведенію Моравіи въ голодъ, къ уменшенію довѣренности Россіянъ въ Берлинскомъ Кабинетѣ, къ умноженію Прусской нерѣшимо-

сти, дабы дать ей запутаться столько, чтобы дѣлать потомъ ей важные упреки, не имѣя возможности ее отъ того отвлечь, также къ принятію въ Брюнѣ Графовъ Гаугвица и Спадіона, устрашить перваго слѣдствіемъ разрыва, а втораго опасностію Австрійской Монархіи; къ посѣянію недовѣрчивости между ими, и особливо къ тому, чтобы дать время прибыть Маршалу Бернадоту, коего важное соединеніе сдѣлаетъ его силы превосходными передъ непріятелями, съ которыми онъ шелъ сражаться, потому что не могъ болѣе его обманывать.

Вишауское сраженіе, въ которомъ аванпосты Россійской арміи имѣли еще выгоду, побудило Бонапарте поспѣшно призвать на помощь все военное искусство и употребить въ общемъ запрудненіи не только всѣ способности арміи удобно къ движенію, но и сію страшную Артиллерію набранную въ Вѣнѣ, противъ которой личная храбрость лучшей Европейской пѣхоты была бы можетъ быть принуждена уступить.

Аустерлицкое сраженіе начиналось съ союзной арміи, но не съ одной Россійской какъ Бонапарте притворялся въ семъ ожиданіи. Не одна храбрая нація, привыкшая столько лѣтъ побѣждать подъ командою Галицыныхъ, Румянцовыхъ и Суворовыхъ, шла располагать участью Австріи; Вѣнской кабинетъ притекъ также весь укрыться подъ палатками АЛЕКСАНДРА Перваго и Франца втораго. — Въ Діернштейнѣ, Гал-

ло-Брюнѣ Россійскіе Генералы командовали своими храбрыми солдатами, и доставили честь своей славѣ; но въ Аустерлицѣ притязаніе первенства Австрійскими начальниками оковало ихъ достоинство и служило только къ ослабленію ихъ храбрости. Вліянія сей самой арміи, которая была уже двадцать разъ разбита, стало дѣйствовать надъ ними. По слѣдствію сего ложнаго мнѣнія, что будто союзники должны были принимать, а не производить внушеніе, побѣжденные осмѣлились располагать побѣдой, и союзная армія, поставленная въ боевой порядокъ во многихъ и обширныхъ рядахъ по планамъ главнокомандующаго Австрійской арміею, напоминаетъ своимъ нещастіемъ о семъ славномъ сраженіи при Каннахъ, гдѣ Римляне были разбиты, потому только, что Варрона, а не Павелъ Эмилій, перемѣнивъ назначенной день, повелъ ихъ на сраженіе.

Сдѣлали великую ошибку въ Россійской арміи; но сія ошибка происходитъ отъ начала столь благороднаго, что позволено будетъ изъ нее извлечь нѣкоторой родъ славы. Оная состоитъ въ томъ, что уваженіе къ нещастію не имѣло предѣловъ; надлежало, поелику Австрія не имѣла болѣе войска для прикрытія своей столицы, составить ея ограду и защищать не слушая ее: надлежало, сохраняя почтеніе къ храбрымъ воинамъ и нещастнымъ подданнымъ, уваженіе къ достойному Государю, не принимать никакого предлагаемаго пла-

на, и судить о настоящемъ по примѣру прошедшаго. Послѣ внезапнаго раздобленія арміи, совершеннаго разрушенія всѣхъ отраслей правительства, оставленія Вѣны, вреда отъ излишней довѣренности, имѣли право поступать съ Австрійскимъ Императоромъ какъ съ Государемъ находящимся подъ ея охраненіемъ; а чтобы принять на себя во всемъ своемъ достоинствѣ опеку столь же почтенную, сколько нужную, должно было слушать только гласъ строгой политики; а не великодушнаго дружества, чтобы спасти Австрію, надлежало ей говорить повелительно, а не соображаться съ дворомъ слушающимъ утѣшеніе, и съ кабинетомъ, которой возвышали только для совершеннаго разрушенія.

Не входить въ подробности Аустерлицкаго сраженія, не значитъ избѣгать ребяческихъ признаній во всѣхъ погрѣшностяхъ; живописецъ, закрывшій лице Агамемнона во время посвященія его дочери, не думалъ отрицать его горести. Ежели надобно судить о военномъ дѣйствіи по его слѣдствіямъ, то Французскія записки ничего не говорили ложнаго въ своихъ увеличительныхъ донесеніяхъ; но ежели позволено между распространеніемъ гордости и скрытіемъ нещастія дать свободу разсужденію; то отославъ къ Арабскимъ сказкамъ всѣ сіи смѣшныя подробности, сдѣланныя для занятія празднаго народа, справедливо будетъ, прибавить нѣкогда, что есть погрѣшности, даже великія погрѣшно

сти, которыя не оставляютъ послѣ себя нареканія; и что тѣ, кои рождаются отъ излишней надежды на храбрость, или, мы посмѣемъ сказать, отъ ея надмѣнности, во всѣ времена Исторіею были поставляемы въ числѣ блистательнѣйшихъ заблужденій.

Ежели Австрійской Императоръ, уставшій быть всегда побѣждаемымъ, не такъ бы легко согласился на утро Аустерлицкаго сраженія довершить одной чертой сію чашу нещастія, изъ которой въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ заставляли его вкушать по каплѣ, то сіе положеніе сколько важно ни было, не могло бы навлечь слѣдствій столь злощастныхъ; но ежели неумолимая Исторія потребуетъ нѣкогда отчету отъ Франца втораго въ потеряніи храбрости и дурныхъ отъ того слѣдствіяхъ, такъ онъ будетъ имѣть покрайней мѣрѣ то извиненіе, что спасъ свою столицу и подданныхъ на счетъ своего благополучія и самодержавія.

Россіяне, обманутые въ своемъ ожиданіи, можно сказать, измѣняемые во всѣхъ своихъ надеждахъ, призванные славою въ Аустерлицкія поля, какъ ихъ предки въ Нарвскія, повиновались конечно очень скоро чувствованію тѣмъ болѣе надмѣнному и живому, чѣмъ сердце того, кто ими управлялъ, было откровеннѣе, великодушнѣе и чувствительнѣе, пришли въ Аустерлицъ спасти Вѣну и оставили изъ виду, что вышли изъ С. Петербурга для спасенія всей

Европы; отступленіе было приказано, Австрійская Монархія была оставлена самой себѣ, и политика, колеблемая нещастіями войны, была осуждена къ тому, чтобы ожидать, пока гласъ всеобщаго спасенія принудитъ ее пробудиться.

Но довольно говорено о нещастной войнѣ, не принадлежитъ къ Политическому сочиненію изслѣдывать дѣла, какъ развѣ сколько онѣ могутъ объяснить причины. Кампанія 1805 года была нещастна потому, что не устроенной Кабинетъ хотѣлъ совершенно ею управлять; потому что Держава, хотѣвшая играть въ оной первую роль, едва приняла на себя вторую. Безпечность Вѣны и осторожность С. Петербурга причинили неудачливость войны. Совершенное уныніе съ одной стороны, неудовольствіе произнесенное очень рано съ другой, навлекли почти невозвратимое бѣдствіе.

Бонапарте сдѣлалъ такую кампанію, какую долженъ былъ предпринять Жанерикъ и Аттила, онъ сражался не для щастія своего Государства, но для собственной своей выгоды; воспитанной на щитѣ, какъ варварскіе Короли, которыхъ дерзость онъ въ себѣ заключаетъ, онъ старается только подобно имъ поражать умы. Первенствуя чрезъ одно изумленіе, онъ перешелъ Рейнъ, какъ сіи начальники Франковъ, влача за собою свою землю. Умноженія своего щастія онъ ходилъ искать на берегахъ Дуная, и принесъ въ сраженіе сіе

Францію, готовый выставить ее всю противъ обширныхъ облестей, кои онъ вздумалъ покорить.

Военной характеръ, которой стоилъ Европѣ политической независимости, имѣетъ нѣчто гигантическое и скрытое, долженствующее ее устрашать. Не одну власть, коей насиліе внушаетъ отвращеніе, она имѣетъ посреди себя, но еще такаго завоевателя, которой присвоиваетъ себѣ каждое дѣйствіе ей только приличное и представляетъ ей свою силу и не страшится того что ее оскорбитъ умноженіемъ оной. Пользуясь похищенною имъ короною, онъ входитъ въ сраженіе противъ королей обладателей своей власти; и не имѣя предковъ, которымъ бы онъ долженъ былъ дать отчетъ, ни дѣтей, которымъ бы могъ оставить свою память, онъ думаетъ только о своемъ возвышеніи, и не имѣетъ другаго наслажденія, кромѣ своего увеличиванія. Не зная постоянной власти, онъ имѣлъ хотя уже все, выключая кроткаго и щастливаго Государя, но не могъ думать о спокойномъ состояніи, въ которомъ онъ чувствуетъ что ему не возможно остановиться.

Какъ въ продолженіе шести лѣтъ, не было ни одного дня, въ которой бы онъ не приближался болѣе къ могуществу, то онъ не могъ болѣе думать о спокойствіи..... Онъ между государями тоже, что блуждающій *жидъ* между людьми; надобно, чтобъ всегда онъ шелъ; и сіе честолюбіе, кото-

раго онъ не могъ никогда довольно насытиться, напоминаетъ сію скалу въ тартарѣ, нещастнымъ Сизифомъ перекатываемую и безпрестанно съ нимъ опять упадающую.

Мы уже сказали, что обширные замыслы и смѣлыя предпріятія, кои завели Французскую армію въ средину союзныхъ войскъ, должны были родиться только въ головѣ человѣка могущаго презирать почтеніе, но имѣющаго нужду въ удивленіи. Франція не столько ласкалась войною, чтобъ онъ могъ на минуту успокоить въ ней умы, не смѣя допустить ее къ разсужденію и догадкамъ, что бываетъ въ обыкновенныхъ компаніяхъ, онъ имѣлъ только намѣреніе ее ослѣпить, и извлечь чрезъ энтузіазмъ сіе ревностное повиновеніе, котораго онъ не могъ бы другими средствами получить.

Повѣрятъ ли тому? сіе чувствованіе, которое побудило Бонапарте начать чрезмѣрную войну, есть еще то, которое начертало Презбургской миръ, нашедшійся по обстоятельствамъ умѣреннымъ. Какъ онъ находится безпрестанно между Европой, съ коей онъ сражается, и Франціею, коей онъ жертвуетъ; то его личная выгода всегда имъ управляла; и ежели бы сей родъ милосердія, коимъ онъ такъ искусно умѣлъ скрыть свой поступокъ противъ Императора Франца втораго, будучи полезенъ его намѣреніямъ на Пруссію и видамъ на будущность, могъ доставить его особѣ блескъ

независимой отъ его войскъ, то Вѣна была бы возвращена, Австрійская Монархія спасена, для того, чтобы заслужить нѣсколько грановъ болѣе сего фиміама, которой начинаетъ потухать.

Довѣренность Бонапарте въ Берлинскомъ кабинетѣ прежде Аустерлицкаго сраженія не простиралась до того, чтобы онъ могъ отказить изъ головы своей, что Графъ Гаугвицъ въ Брюнѣ сдѣлалъ ему довѣренность своего Государя, что Прусскія войска не мѣнѣе приближались къ Богеміи ожидая приключенія. Увѣренный, что было великое пространство между откровеннымъ сердцемъ Монарха и проницательнымъ умомъ полномочнаго его министра, онъ спѣшилъ обязать вѣрность перваго слабостію втораго, подписать 14 Декабря съ министромъ прожектъ совершенно повергшій Австрію и Италію его волѣ, и начертать, спустя тринадцать дней, Презбургской миръ, которой остановилъ напротивъ того между двумя державами, всегда совмѣстными, сіе равновѣсіе зависимости, покорности и слабости, что онѣ нынѣ называютъ равновѣсіемъ Европы.

Австрійская Монархія была пощажена въ Презбургѣ для сохраненія призрака ея силы, содержащей Пруссію въ почтеніи; Пруссія была пощажена также не взирая на Потсдамской трактатъ 3 Ноября, дабы внушить тѣмъ уваженіе Вѣнскому кабинету. Однимъ только ударомъ Бонапарте всегда желалъ оторвать отъ Глерманской

Гидры ея двѣ превосходныя головы; а какъ онъ можетъ поражать въ одинъ разъ только одну, то и подумаетъ о другой; онъ имѣетъ все ослаблять, но не разрушать; и пока великая держава, такая какъ Россія, ему будетъ угрожать воспринятіемъ снова сей важности и силы своего политическаго могущества, онъ предпочтетъ лучше оставить между его и собою державы второй степени, каковыя нынѣ Пруссія и Австрія, дабы чрезъ то къ ней приближиться.

Но сіи совокупленія, достойныя человѣка, показывающаго великость въ своихъ мысляхъ, не однѣ взошли въ голову, въ коей все гигантическое смѣшивается часто съ маловажностію. Бонапарте иногда съ высоты своего щастія обращается часто къ низу чрезъ сіе самое снисхожденіе, которое зависитъ отъ памятованія своего происхожденія. Поелику не можетъ возвыситься до сихъ главныхъ фамилій, которыхъ вѣки украшаютъ благородною древностію, онъ чувствовалъ нужду ихъ унизить, и употребить во зло побѣду, причиня въ ней неизгладимое зло. Увѣренный, что завоеванныя провинціи можно возвратить, онъ не требовалъ умноженія безполезныхъ земель..... Не зная подлинно, что не разторгаютъ союзы, и что существуютъ такіе пороки, которыхъ ни время, ни человѣческая воля не можетъ изгладить, онъ захотѣлъ смѣшать кровь побѣдителей съ кровью побѣжденныхъ. И будучи основателемъ, подобно Ромулу, другой вселенной

Монархіи, онъ приготовляетъ также какъ и тотъ праздникъ, гдѣ дѣти его союзниковъ будутъ похищены, какъ Сабинянки, изъ рукъ слабыхъ своихъ родителей.

Французскія войска проложили трудную дорогу, ведущую Бонапартія въ Моравію; кровь юношества сей пространной Имперіи текла съ Вертингенскаго до Аустерлицкаго сраженія. Спрашиваютъ другъ друга, что Франція выиграла Презбургскимъ миромъ? развѣ она умножила свои земли, иль паче Бонапарте присоединилъ къ ея прекраснымъ провинціямъ другія области? умножена ли ея торговля? видитъ ли она прибытіе большаго числа кораблей въ ея порты? имѣетъ ли морскую силу и колоніи? нѣтъ! она воевала со славою, потеряла цвѣтъ своихъ кронскриптовъ, извлекли изъ ея нѣдра двадцать пять тысячь дѣтей, которыхъ часть пожата, прочіе лишились своихъ обыкновеній; она дѣлала пожертвованія и издержки всякаго рода и гд. Шампанье въ вознагражденіе, угрожаетъ ей въ экономическихъ своихъ отношеніяхъ обремѣнить ее новыми налогами, что ей за нужда, что Италія покорена однимъ закономъ, что другой народъ подверженъ тому же игу, и что онъ влечетъ одну съ ней колесницу, ежели тѣмъ ее въ двойнѣ угнѣтаютъ. Франція изтощается для Бонапартіевой фамиліи, которая увлекаетъ у ней всѣ плоды; сынъ его жены сидитъ на Миланскомъ тронѣ; его усыновленные его дѣти, которыхъ судьбу онъ соединяетъ съ

судьбой владѣтельныхъ домовъ; и онъ чрезъ то вступаетъ съ ними въ ссоры; онъ только увеличивается, одно его щастіе утверждается. Все же сіе не имѣетъ ничего общаго съ щастіемъ Французовъ. Онъ восходитъ, Франція унижается; и сей народъ, столь гордящійся въ продолженіе десяти лѣтъ своимъ революціональнымъ изступленіемъ, жертвуя нынѣ собою, ползаетъ и пресмыкается передъ фамиліею своего Императора, какъ послушный верблюдъ преклоняетъ свои колена, для принятія своего проводника держащаго удила, коему онъ принужденъ повиноваться.

Бонапарте спѣшилъ подписать миръ Пресбургской, не только по тому что бракъ, къ которому онъ хотѣлъ принудить насильно въ Минхенѣ, былъ важнѣе для его фамиліи, нежели ослабленіе Австрійской Монархіи для его политики; но также потому, что онъ былъ пожираемъ необходимостію ѣхать въ Парижъ, чтобы видить тамъ воскуреніе фиміамовъ, пылающихъ на всѣхъ его олтаряхъ. Государь и провелъ половину своей жизни, но не умѣетъ еще довольно управлять своею радостію, когда видитъ себя въ пышности ему столь чуждой. Какъ не можетъ возвыситься до сего достоинства, которое покоится съ кротостію на челѣ Королей, рожденныхъ ими быть, онъ старается помрачить всѣхъ блескомъ своего двора и замѣняетъ покрайней мѣрѣ пышностію, разорительною для Франціи, сей совершенный недостатокъ

величества, который не довольно еще прикрытъ ложнымъ обожаніемъ всего того, что его окружаетъ.

Бонапарте умѣетъ торжествовать въ полѣ сраженія; но не довольно великъ, чтобы гнушаться торжествомъ на оперномъ Парижскомъ театрѣ. Онъ умѣетъ давать законы какъ побѣдитель, но онъ еще не такой Государь, которой бы могъ сохранять благородной языкъ. Возвышая достоинство короны своими подвигами, онъ ее унижаетъ простонароднымъ выраженіемъ. Какъ простой человѣкъ на тронѣ, ему удобнѣе возвышаться предъ Королями, нежели доходить до той чести, чтобы съ ними ровнятся; и его угрозы и мщеніе дѣлаютъ болѣ зла Государству имъ разоряемому, нежели Государямъ, которыхъ онъ лишаетъ престола.

Ежели бы за тринадцать дней прежде мира, Графъ Гаугвицъ предсталъ предъ Бонапарте, какъ вѣрной истолкователь воли Короля Прусскаго, а не иступленникъ помраченной щастіемъ, то система федеративной власти, которая открылась въ сію минуту, не приняла бы своего существованія. Согласясь въ Бранау возвратиться въ Вѣну съ Графомъ Стадіономъ, въ намѣреніи привесть переговоры въ зависимость отъ происшествій, политическую свою силу отъ побѣды, онъ вредилъ сильно выгодамъ Государей, которыхъ онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ приказаніе щадить. Полномочной Прусской министръ не имѣлъ

ни какой причины имѣть ту же осторожность, какъ и Австрійской Министръ, которой трепеталъ о столицѣ и областяхъ своего Государя; и онъ не долженъ былъ давать поводъ къ подозрѣнію, что армія, которая шла къ Богеміи, будетъ при первомъ знакѣ поражена ея слабостію.

Не будемъ излишно повторять для отдѣленія заблужденій Министра отъ воли его Государя, что путешествіе Графа Гаугвица, его переговоры съ Французской арміей, и все то, что онъ допускалъ предвидѣть прежде Аустерлицкаго сраженія, много поспѣшествовало участи сего дня. Какъ бы Бонапарте ни былъ тщеславенъ, но ни какъ бы не отважился сдѣлать сраженія во внутренности Моравіи, ежелибъ онъ почиталъ важнымъ сей мѣдленной и умышленной маршъ Прусскихъ войскъ позади его; съ перваго слова онъ могъ бы прочитать въ глазахъ трепещущаго повѣреннаго, что какъ побѣдитель, такъ и побѣжденной онъ можетъ полагаться на него; въ случаѣ побѣды онъ подавалъ ему надежду допустить его до уничтоженія Австріи; а въ своемъ побѣжденіи онъ ласкался внушить ему зависть, когда будетъ подписывать миръ слишкомъ выгодной для сей державы; и между тѣмъ какъ Императоръ АЛЕКСАНДРЪ приносилъ въ лагерь Императора Франца вторago усердіе всей Пруссіи и дружество Короля, — то Графъ Гаугвицъ, напротивъ того, приносилъ въ лагерь Наполеона все то, что долженство-

вало разрушить слѣдствіе сего свиданія, съ которымъ участь Европы была на минуту сопряжена.

Защищая одну только истину, здѣсь позволено будетъ повторить, до какой степени Россійской Императоръ въ сей кампаніи повредилъ бы обширнымъ планамъ Бонапартія, естьлибъ началъ всемъ управлять: онъ могъ оставить С. Петербургъ въ качествѣ союзника Австрійскаго Императора, но послѣ первыхъ уроновъ Австрійской Имперіи, онъ бы могъ принять оборотъ: сдѣлавшись дѣйствительно главой коалиціи, онъ лишилъ бы Бонапартія сей власти надъ Графомъ Гаугвицомъ столько имъ обманутымъ. Влекомая Россіею Пруссія примѣтила бы только издали Австрійскія выгоды, ея зависть была бы ослаблена; собрались бы вокругъ начальника Коалиціи; честность его политики потушила бы недовѣріе, готовое возродиться. Разбитые Австрійцы сдѣлались союзниками Россіянъ, которые того и не подозрѣвали; все взошло въ неутральной порядокъ, и Россійскія войска, преданныя своему военному духу, а не иностранному вліянію, выиграли бы точно побѣду на той же самой землѣ, на которой она была подвержена оборотамъ щастія.

Оставляя военной Театръ и отзывая свои войска послѣ конвенціи, подписанной Императоромъ Францомъ вторымъ на другой день Аустерлицкаго сраженія, Россійской Императоръ, которой только сражал-

ся въ качествѣ союзника, весьма хорошо выполнилъ роль себѣ предположенную. Послѣ переходу Австрійцовъ чрезъ Иннъ, первой планъ кампаніи былъ нарушенъ; по вступленіи Французовъ въ Австрію, великіе виды Коалиціи изчезли. Когда сія Коалиція, составленная для спасенія нѣкоторыхъ Государствъ, сдѣлалась удалена отъ сей возможности, то могла воспринять снова свою силу, только чрезъ откровенный и рѣшительной союзъ Пруссіи; съ той минуты какъ не могли болѣе на нее полагаться, ни имѣть надежды спасти Австрію, подвергающуюся Французскому распоряженію, Россіянамъ только осталось воспользоваться конвенціей, которая имъ открыла удобную дорогу чрезъ Венгрію, вмѣсто подверженія себя трудному отступленію по землѣ первымъ ихъ проходомъ приведенной уже въ довольное истощеніе.

Графъ Гаугвицъ не подписалъ еще въ сіе время другой конвенціи, которую будутъ почитать нѣкогда начертанной Бонапартіемъ между Потсдамомъ и Берлиномъ, однако-жь знали въ главной квартирѣ Императора АЛЕКСАНДРА, какія были намѣренія негоціатора. Господинъ Новосильцовъ, посланной къ нему на встрѣчу за нѣсколко дней прежде сраженія, могъ увѣдомить впередъ, что вся его политика утвердилась на первомъ важномъ происшествіи, и какъ сіе происшествіе обратилось въ пользу Бонапартія, то Императору

АЛЕКСАНДРУ оставалось только, оставя свои войска въ Галлиціи, послать съ объявленіемъ къ Королю Прусскому, до какой степени Онъ пребываетъ вѣренъ ко всѣмъ обязательствамъ съ нимъ учиненнымъ. Князь Долгоруковъ пріѣхалъ 18го Декабря въ Берлинъ и нашелъ Фридрика III всегда равно привязаннымъ въ выгодамъ Россійскаго Императора; Аустерлицкое разбитіе не поколебало его вѣрности; но между тѣмъ какъ сей Монархъ сохранялъ лично къ своему союзнику непремѣнное дружество, то его Министръ, содержащій всю его власть, наносилъ Вѣнѣ однимъ днемъ и одной чертой пера, всѣ нещастія кампаніи, въ которой его войска еще не сражались.

Имѣли можетъ быть право въ Берлинѣ безпокоиться о слѣдствіяхъ отступленія Россійской арміи, и объясненія, которое могло представить подъ ложнымъ видомъ будущія намѣренія С. Петербургскаго кабинета; но съ той минуты, какъ прибытіе Князя Долгорукова позволяло полагаться болѣе, нежели когда нибудь на Россійскаго Императора, непростительно было забыть, что Генералъ Михельсонъ былъ въ Силезіи съ тридцати тысячною колонною, что резервная армія дѣйствовала въ окружности Вильны; и что молодой Король столь же почтенной по своей крови, столько достойной своимъ характеромъ, вступалъ между Эльбою и Везеромъ въ предводительствѣ шестидесяти тысячь воиновъ,

Король Прусскóй, приведенный симъ важнымъ примѣчаніемъ къ чувствамъ справедливости, принадлежащимъ начальнику храбраго войска, старался избѣжать нѣкотораго вліянія, которое бываетъ часто въ кабинетахъ сильнѣй министровъ, а при дворахъ сильнѣе самихъ Королей; Генералъ Пфуль былъ посланъ для остановленія переговоровъ; но онъ нашолъ Графа Гаугвица уже возвращающагося изъ Вѣны, гдѣ онъ все подписалъ; онъ утвердилъ впередъ всѣ перемѣны, которыя Аустерлицкой побѣдитель сдѣлалъ или могъ сдѣлать; Германія, Италія, наконецъ и вся Европа нашли себя поверженными власти Банапартія, безъ согласія Берлинскаго кабинета, а паче безъ согласія Прусскаго Короля, которой по крайней мѣрѣ желалъ играть единую роль истинно достойную его.

По безпримѣрному нещастію, въ то самое время когда Неаполь отворялъ свои гавани непріятелю Французовъ, то сіи самые непріятели давали дорогу Бонапартію въ столицѣ союзника всегда вѣрнаго. Онъ виновенъ — и вотъ его единая вина, что весьма строго наблюдая вѣрность къ державамъ принужденнымъ оставить сего союзника, онъ презиралъ щастіе и жертвовалъ собою справедливости. Не поставляя себѣ въ обязанность трактатъ вымученной въ Парижѣ у Маркиза Галло; трактатъ изторгнутый въ нѣдрѣ мира угрозами завоеванія и грабежа, Неаполитанской дворъ приступилъ къ коалиціи въ

тотъ самой день, въ которой она предала его гнѣву побѣдителя, тѣмъ болѣе раздраженнаго, что по фамильнымъ его планамъ онъ имѣлъ въ земляхъ его нужду.

По начатіи войны съ Англіею, Французы заняли Неаполитанское Королевство, не взирая на представленіе его кабинета, на послѣдніе трактаты, подписанные съ Россіею, а только по праву сильнѣйшаго; С. Жемскому кабинету и С. Петербургскому надлежало обвинять Короля Неаполитанскаго въ занятіи, угрожавшемъ семи островамъ и похитившихъ у ихъ ескадрою порты Адріатическаго моря; но сіи кабинеты почли справедливѣе имѣть объ немъ сожалѣніе; и когда потомъ Россійскія и Англійскія войска вышли на берегъ въ маломъ Неаполитанскомъ заливѣ, то они только отмщали, дѣлали только то, что Бонапарте назадъ тому двадцать пять мѣсяцовъ; и дали приказъ пятнадцати тысячамъ человѣкамъ составить цѣпь отъ Обрюцо до Отранто.

Но къ чему защищать истину, когда она выставлена на трибуналъ нещастія, также не смѣютъ ее болѣе ни судить ни внимать. Несправедливость и насиліе побѣдителя нынѣ единое законоположеніе, признаваемое Европой. Его желаніе есть народное право, а его позволеніе есть право политическое. Завладѣніе Неаволитанскаго Королевства въ нѣдрѣ мира, не взирая на представленіе его кабинета, были только мѣры предосторожности, также

вещь, тѣмъ же образомъ произведенная его непріятелями, есть нарушеніе всѣхъ трактатовъ. Неаполь угнѣтенной его приказаніями, долженъ былъ противиться всему тому, что не было Бонапартіево. Когда унижались предъ его могуществомъ, то ето было благоразуміе; а когда уступили послѣ по такой же необходимости войскамъ Россійскимъ и Англійскимъ, такъ ето была измѣна и клятвопреступленіе. Справедливость и несправедливость есть то, что полезно или противно его намѣреніямъ, и съ той минуты какъ Король и Королева оказали желаніе остаться еще на тронѣ, на которой онъ хотѣлъ посадить одного изъ своихъ сродственниковъ, то Бонапарте въ качествѣ раздавателя нещастій и награды, почелъ себя принужденнымъ за то ихъ наказать.

Ахъ! конечно ето милость отъ Провидѣнія, что Оно, низославъ человѣку столько средствъ къ помраченію другихъ, поставило себѣ за право отказать ему въ сей благопристойности, которое совершенно бы утвердило его въ верховномъ достоинствѣ. Употребя побѣдителя для наказанія Королей, оно не хотѣло однако-жь смѣшать ихъ утѣснителя съ ними, и какъ бы желая намъ оставить надежду своего къ намъ обращенія, Оно повелѣваетъ, чтобы сіи блистательныя дѣла были попраны совершеннымъ забвеніемъ всего царскаго величества; дабы посреди толикаго ослѣпленія славы отыскали революціонные слѣ-

ды, кои тщетно хотящъ истребить изъ нашей памяти.

Но какая ето прокламація, сдѣланная 25 Декабря въ Императорскомъ Шебрюнскомъ лагерѣ къ храбрымъ солдатамъ, которые должны стыдиться читая ее:

Солдаты!

„Въ теченіе дѣсяти лѣтъ я сдѣлалъ „все для спасенія Неаполитанскаго Короля, „которой сдѣлалъ все къ своей погибели.

„Послѣ сраженія Дего, Мондови, Лоди, „онъ не могъ мнѣ противиться. Я повѣ„рилъ слову сего Государя и былъ велико„душенъ къ нему.

„Какъ вторая коалиція испровергнута „была въ Маренго, то Король Неаполи„танской, которой первой началъ сію не„справедливую войну, оставленной въ Лю„невилѣ своими союзниками, остался одинъ „и безъ защиты. Онъ меня умолялъ и я „ему простилъ въ другой разъ.

„Назадъ тому нѣсколько мѣсяцовъ вы „были въ гаваняхъ Неаполя, я имѣлъ столь„ко законныхъ причинъ подозрѣвать „въ измѣнѣ, которая злоумышлялась, и „мстить за причиненныя мнѣ оскорбленія. „Я былъ еще великодушенъ, и призналъ „Неутралитетъ Неаполя; я вамъ велѣлъ „очистить сіе Королевство, и въ третій „разъ Неаполитанской домъ былъ спасенъ „и снова возстановленъ.

„Простимъ ли мы ему въ четвертой „разъ? положимся ли мы въ четвертой „разъ на дворъ, не имѣющій ни вѣры, ни

„чести, ни разсудка? — Нѣтъ! нѣтъ! Не-
„аполитанская Династія перестала цар-
„ствовать; ея существованіе не сродно
„ни съ покоемъ Европы, ни съ честію
„моей короны.

„Солдаты! ступайте, повергните въ
„волны сіи остатки морскихъ пиратовъ,
„когда они васъ ожидаютъ. Покажите
„свѣту, какимъ образомъ мы наказываемъ
„измѣнниковъ. Не замѣдлите дать знать
„мнѣ, что вся Италія покорена моимъ и
„моихъ союзниковъ законамъ, что прекрас-
„нѣйшая страна на землѣ избавлена отъ ига
„вѣроломнѣйшихъ людей; что святость
„трактатовъ отмщена и что тѣни моихъ
„храбрыхъ убитыхъ войновъ въ гаваняхъ
„Сициліи по возвращеніи изъ Египта изба-
„жавъ отъ погибели кораблекрушенія, пу-
„стынь и сраженій, наконецъ успокоены.

Солдаты! мой братъ будетъ предво-
„дительствовать вами; онъ знаетъ мои
„намѣренія и исполняетъ власть мою; онъ
„имѣетъ всю мою довѣренность, такъ и
„вы вручите ему свою.“

Наполеонъ.

И его человѣкъ учинившій великія дѣ-
ла, поставляетъ имя, которое онъ почи-
таетъ священнымъ, въ низу подобнаго
письма; не смѣя сказать Европѣ: я желаю
для моего брата тронъ, еще блистатель-
нѣе того, которой я доставилъ принято-
му моему сыну, и хочу оной отнять у до-
ма Бурбоновъ; такъ онъ обращаетъ къ
своимъ легковѣрнымъ солдатамъ сію связь

клеветъ, которую онъ не заботится подтверждать видомъ истины.

И такъ мы скажемъ истинну; и однимъ только быстрымъ взоромъ на поведеніе Неаполитанскаго двора въ продолженіе двенадцати лѣтъ, мы постараемся дать знать, какого рода сіи проступки и три мнимыя прощенія, за которыя слѣдовало несправедливѣйшее похищеніе, какія только Исторія до сего времени намъ сохраняла.

Въ 1793 году между Неаполемъ и Франціею былъ миръ, и Неаполь не могъ имѣть другой вины въ разсужденіи сей республики, кромѣ той, что не довольно удивлялся ея Галліопинѣ, и возмутительнымъ днямъ. Одинъ гренадеръ также грубой какъ и правительство ево приславшее, вступилъ на берегъ съ корабля, и пришелъ оскроблять владѣтелей даже во дворцѣ, . . . Забыли скоро сію обиду.

Въ 1795 году Франція объявила войну всѣмъ державамъ; Неаполь запутался въ семъ дѣлѣ: онъ снабдилъ въ Ломбардіи нѣкоторыми вспомогательными войсками Австрійскую армію; не много было сраженія; въ 1796 году подписали миръ въ Парижѣ.

Извинительно будетъ не знать, въ сіе ли время побѣдитель Дего, Мондови и Лоди проспилъ въ первой разъ. Маршалъ Бертье, историкъ Маренгской, выхваляя своего Героя за то, что онъ остановился при Толентино и подписалъ миръ, дабы имѣть возможность придти скорѣе въ Тироль для сопротивленія Эрцгерцогу, кажет-

ся намъ рѣшилъ вопросъ. Ето была военная ошибка, что приближились къ Риму не имѣвъ ничего къ сопротивленію арміи, могущей скоро отрѣзать у Французовъ ретираду. Бонапарте поправляя оную показалъ свое искусство, а не великодушіе, потому что Римъ менѣе щастливый когда, нежели въ царствованіе Леона Великаго, искупилъ пожертвованіемъ горсти своихъ рѣдкостей то, что Аттила бичь Божій исходатайствовалъ почтеніемъ, которое должны внушать вѣра и добродѣтель.

Когда въ 1798 году Французы собрались въ Романье угрожая снова Риму, и границы Неаполитанскаго Королевства были покрыты солдатами, то Король Неаполитанской объявя манифестомъ, что онъ не имѣлъ другаго намѣренія кромѣ защищенія, вступилъ въ церковную область; обманутый достоинствомъ Генерала Макка, онъ потерялъ въ два мѣсяца свою армію и королевство, и былъ наказанъ за то что желалъ, по священнѣйшему праву народовъ, привести въ безопасность независимость своей короны, и ее спасти.

Въ сіе время Императоръ ПАВЕЛЪ Первый предложилъ Неаполитанскому двору свой великодушной союзъ. Суворовъ вступилъ въ Ломбардію, какъ Аппенинскія орлы слѣтаютъ иногда на прекрасныя сіи долины. Кардиналъ Руфо дѣлается предводителемъ арміи, которая имѣла сіе одно названіе; шесть сотъ Россійскихъ солдатъ, вышедшихъ на берегъ соединяются съ оной;

ихъ примѣръ придаетъ ей твердость: и Неаполь былъ обратно взятъ. Новыя Россійскія войска прибыли въ сіе Государство, которое бывъ покрыто щитомъ, Россіи только одной, кою Французская политика тогда щадила, почитало себя справедливо обязаннымъ единственно сему союзу за спокойствіе, котораго старались у ней оспоривать.

Оставленной своими союзниками въ Люневилѣ Король Неаполитанской, говоритъ Прокламація, *остался одинъ и безъ защиты; онъ меня умолялъ и я ему простилъ....*

Но въ Люневилѣ Король Неаполитанской былъ только оставленъ Вѣнскимъ кабинетомъ, съ которымъ онъ давно уже не былъ въ согласіи; въ 1800 году онъ не былъ въ кампаніи съ Австрійцами, слѣдовательно ни чемъ не оскорблялъ Францію; его войска не соединялись съ арміею Меласа, и онъ не имѣлъ ни одного солдата въ Маренго; едва имѣлъ свои области въ оборонительномъ состояніи; онъ не умолялъ никого, потому что не дѣлалъ обиды, и у него остался вѣрной союзникъ, на сего союзника онъ полагался, и ежели бы онъ могъ умолять (такой поступокъ, до котораго нещастіе никогда его не доводило) то ето было бы только вступленіе за него Россіи, а не политика Бонапартія, которая при всей своей дерзости, не привыкла еще тогда поступать совсемъ безъ уваженія и справедливости съ полуденной

державой, состоящей въ тесномъ союзѣ съ первой державой Сѣвера.

Первой консулъ, имѣющій нужду въ сіе время воспользоваться Энтузіазмомъ и спокойствіемъ Франціи, для основанія въ ней своей силы, не только не думалъ о прощеніи Короля Неаполитанскаго, но еще старался его къ себѣ привлечь посредствомъ С. Петербургскаго Кабинета; которому онъ дѣлалъ тайно мирныя открытія, чрезъ своего Гамбургскаго Министра. Между предложенными утвержденіями: *Неаполитанской міръ и его независимость*, *возвращеніе Пїемонта Сардинскому Королю* были первыя изъ сего языка столь удаленнаго отъ нынѣшняго; легко видно, что побѣдитель Маренго былъ тогда не много скромнѣй Аустерлицкаго побѣдителя; или лучше сказать, легко разсудить разность положеній между человѣкомъ хотящимъ похитить власть, и человѣкомъ, которой находитъ всѣ средства удачными для утвержденія оной.

С. Петербургской кабинетъ почелъ, что можетъ въ сіе время услужить своимъ союзникамъ, и сія великодушная мысль приклонила его къ миру. Гн. Колычевъ отправился; но Бонапарте оставя сіе чувство справедливости, которое было уже не нужно его намѣреніямъ, велѣлъ Мюрату приближиться къ Неаполю, и вынудилъ по слабости у кавалера Мишелу Неаполитанскаго Полномочнаго Министра при Флорентинскомъ Дворѣ, тракатъ, совершенно про-

тивной тому, что онъ предложилъ Россіи, и которой посланникъ сей державы имѣлъ приказаніе подписать.

Ежели въ сіе время Бонапарте полагаетъ второе свое прощеніе, то надобно признаться, что сіе прощеніе не такъ-то великодушно; ибо Флорентинской трактатъ стоилъ Неаполитанскому Королю Президіи, части острова Ельбы и жестокой обязанности видѣть въ продолженіе морской войны корпусъ Французскихъ войскъ утвердившихся даже во внутренности его областей. Сей трактатъ, составленной въ Мартѣ мѣсяцѣ, истинно былъ смягченъ въ Октября заступленіемъ Россіи; тогда согласилися, что Французскія войска очистятъ Неаполитанское Королевство, ежели Англичане очистятъ Египетъ; но сіе условіе было долгое время отклоняемо, и дворъ Неаполитанской терпѣлъ въ продолженіе двухъ лѣтъ все то, чего можно ожидать отъ несправедливости и насилія, когда онѣ основаны на наглости.

По трактатамъ Аміенскаго мира Франція вывела свои войска изъ Неаполя и лишилась съ того времени права ихъ обратно туда посылать; но какъ скоро война съ Англіею снова была объявлена, то Французская Армія вступила опять въ сіе Королевство, утвердилась въ Абруцо и Пульѣ, и поступила съ сими провинціями какъ съ данниками.

Назадъ тому нѣсколько мѣсяцовъ вы были въ гаваняхъ Неаполя: сказалъ Бонапар-

те своимъ солдатамъ; но онъ остерегался прибавить, вы были тамъ въ противность истинѣ, и по праву сильнѣйшаго: *я былъ еще великодушенъ*, спѣшилъ онъ имъ сказать; и его солдаты не знаютъ, что сіе великодушіе не состояло въ разграбленіи столицы такого государства, которому онъ не имѣлъ не только дѣлать ни какихъ важныхъ упрековъ, но даже самые сіи солдаты не должны были въ немъ находиться, ежели бы онъ признавалъ національныя права, или даже тѣнь справедливости.

Нѣтъ, не по великодушію и не для прощенія въ третей разъ, ибо не прощаютъ въ совершенномъ мирѣ Государству, которое допускаетъ себя угнѣтать безъ ропоту, Французское правительство вдругъ предложило въ Парижѣ Неаполитанскому Министру неутральной трактатъ, которой подкрѣпилъ Армію Массены двадцатью тысячами человѣкъ.

Бонапарте въ раздѣлѣ войскъ, думалъ только о совокупленіи всѣхъ средствъ на успѣхи около себя, и примѣтилъ уже поздно, что Массена будетъ слабо сопротивляться Эрцгерцогу Карлу; и хотя притомъ входило въ его планы, не удѣлять ему какъ только малую часть своей славы, однако жь надлежало его поддержать на Адижѣ. И такъ надобность располагать арміею Сент-Сира, его побудила поставить Неаполитанскому двору новыя сѣти. Маркизъ Галло, осажденной вдругъ Таллейраномъ по слабости подписалъ *въ надеждѣ*

трактатъ, какой ему предложили. Французской посланникъ въ Неаполѣ далъ сорокъ восемь часовъ Королю для утвержденія всего того, что сдѣлалъ его Министръ въ Парижѣ; онъ угрожалъ употребить силу, призвать войска, которыя были разстояніемъ на нѣсколько дней отъ столицы; не было средствъ противится подобнымъ насиліямъ, и наконецъ ратифицировали сію злощастную конвенцію, коей нарушеніе едва служитъ предлогомъ къ завоеванію давно умышленному.

Наконецъ, чтобы довершить отвѣтъ на такія несправедливости самымъ дѣломъ, а не одними словами, пусть перероютъ всѣ архивы Европейскихъ кабинетовъ, но не найдутъ тамъ ни одного трактата въ теченіе десяти лѣтъ, въ которомъ бы Неаполитанской дворъ мѣшался въ дѣла съ другими желаніями, кромѣ сохраненія своей независимости; для отвращенія только бича войны онъ вооружался, а не для плановъ своего увеличиванія и мстительныхъ намѣреній. Франція, бывъ республикой, его оскорбляла, а въ Монархическомъ своемъ управленіи даже угнетала его; и онъ никогда не показывалъ ни ненависти ни злопамятованія. Переобразовали третью коалицію, нарушили тайну кабинетовъ, публиковали въ Лондонѣ намѣренія державъ, и не находится въ сихъ трактатахъ ни одного пункта, которой бы до него касался. Его доходы были истощены великими контрибуціями, требованіями арміи, которая

оскорбляла столь долгое время его достоинство, и онъ не просилъ вспомогательныхъ денегъ. Ежели онъ присоединился къ союзнымъ державамъ, то единственно для поддержанія независимости Италіи; Европа угрожала Бонапартію; но онъ не угрожалъ и не думалъ угрожать ни кому; и по своему униженію, которое зависѣло отъ его положенія, и благоразумію его политики, сей кабинетъ въ продолженіе десяти лѣтъ мѣнѣе всѣхъ противурѣчилъ честолюбивымъ планамъ побѣдителя, которой клялся ево разрушить.

Таково поведеніе сего Двора, которой учинилъ одну только погрѣшность въ столько лѣтъ, то есть, что не отвращалъ за шесть мѣсяцовъ опасность, кою можно было тогда поправить. Таковы истинныя начала, на которыхъ основано объявленіе несправедливѣйшее и наглѣйшее, какое только когда выходило изъ подъ пера человѣка, мнящаго брашствовать съ Королями. Таковы три прощенія, которыхъ никогда не произносилъ Бонапарте, и которыхъ не претерпѣвала Держава даже по среди нещастій сохраняющая все свое достоинство.

Домъ Бурбоновъ въ самомъ своемъ паденіи еще величественнѣйшій, нежели забывающейся угнетатель, весьма чувствуетъ, что не имѣетъ болѣе нужды оправдываться предъ тѣмъ, которой преслѣдуетъ его для оклеветанія; и клевещетъ для совершеннаго разоренія; оной виновенъ за всѣ благодѣянія, коими осыпалъ Фран-

цію въ теченіи осми сотъ лѣтъ; за свои неоспоримыя права, наконецъ виновенъ за священную и драгоцѣнную свою кровь, пролитую у ногъ Анархіи и тиранства, и подавляющую чрезмѣрной своей тяжестію совѣсть гонящаго его похитителя.

Но время кончить сію картину, столь трудную начертать теперь по ея непостоянству, и столь трудную для избѣжанія будущаго, поелику она представляетъ устрашающіе виды. Европа нынѣ уже не сіе собраніе Государствъ, не зависимыхъ одно отъ другаго, соединенныхъ по торговымъ отношеніямъ, раздѣленныхъ политическими требованіями, и между тѣмъ составляющихъ одно цѣлое, въ которомъ бы можно было надѣяться нѣкотораго согласія. Изображеніе теперешняго времени напоминаетъ религію восточныхъ народовъ, въ которой злой Геній получаетъ болѣе силы и уваженія; все или уступаетъ щастію Бонапарте, или ему сопротивляется, вотъ два ясныя удѣла, которыя составляютъ Европу; но между тѣмъ, какъ честолюбіе оковываетъ желѣзными цѣпьми все то, что составляетъ первое, то гласъ необходимости осмѣиваетъ неудачность державъ, долженствующихъ составлять второе, едва становится слышенъ. По показанію самихъ Французскихъ журналистовъ, болѣе шестидесяти милліоновъ человѣкъ готовы принять иго одного человѣка, однако-жъ народы, которые не подвержены еще его законамъ, не думаютъ чтобы у нихъ оста-

лись равныя силы для сопротивленія ему. Ежели они не такъ сильны въ Европѣ, какъ федеративная власть, которую они хотятъ заключить въ своемъ нѣдрѣ, то они могутъ по крайней мѣрѣ поколебать усиліе и помрачить щастіе. Ето три народа, которые владѣютъ тремя другими частями свѣта; Россія, содержащая подъ своими законами сѣверную Азію; Турція, коей повинуется Анатолія, Сирія, и Египетъ; наконецъ Англія, которую Бенгалъ снабждаетъ своими сокровищами, Антильскія острова сѣѣстными припасами, и которой торговля покоряетъ всѣ богатства двухъ міровъ.

Бонапарте не обладаетъ почти ни чѣмъ болѣе въ обѣихъ Индіяхъ; въ Мысъ Доброй Надежды и С. Доминго онъ потерялъ снова обѣ дороги. Корабли удаляются его портовъ; морская сила уничтожена: посреди своего благополучія онъ оставается безъ торговли, безъ коллоній, и безъ средствъ для возстановленія внѣшнихъ богатствъ, такъ какъ и безъ экономіи, съ которою можно было обойтись безъ вышеупомянутыхъ вещей; и ежели онъ будетъ царствовать какъ Юпитеръ, посреди своихъ дѣтей, то скоро будетъ осужденъ какъ Сатурнъ, пожирать ихъ одного за другимъ.

Такъ, конечно Европа должна трепетать, и мы не думаемъ отъ нее скрывать опасность; но ежели позволится бросить взглядъ въ сію пропасть, то ето будетъ

для измѣренія безъ ужаса всей ея глубины. Довѣренность произвела великія нещастія, а отчаянность можетъ произвести еще болѣе; нещастія войны суть вѣтры изгибающіе только дерево, не движимость и совершенное разстроиство всей системы, суть такія болѣзни, кои ево изсушаютъ и изкореняютъ. Европа потеряла часть своихъ средствъ; но она можетъ еще собрать оставшися: могущество Бонапартія не возрастало еще столько, сколько его гордость покорила; власть его, а не сила распространилась; потому, что страхъ соединяетъ цѣлыя области вокругъ его, необходимость сближаетъ все то, что укрывается отъ его первыхъ ударовъ; и самъ онъ съ высоты своего трона, призывая всѣ свои силы, показываетъ своимъ непріятелямъ нужду, собирать свои, а паче ихъ лучше цѣнить.

Съ той минуты, какъ составилась въ Европѣ власть, которая приводитъ подъ свою зависимость половину ея населенія, то составившій оную объявляетъ необходимость раздѣла. То, что не находится подъ его законами, должно противиться онымъ; нѣтъ болѣе другихъ средствъ избѣгнуть его завоеванія, (въ послѣдствіи сіе утвердится) какъ противиться ему открыто: и области, которыя будутъ противиться мысли сего федеративнаго предположенія, при общей нуждѣ себя защищать отъ угнетенія, суть такія области, кои съ сего времени ожидаютъ или требуютъ оковъ: такова есть Австрія, извини-

тельная, даже почтенная въ самой своей зависимости и которая обязана можетъ быть вспоминанію о благородныхъ ея усиліяхъ за ту честь, что избѣгала долгое время сей федеративной власти, коей она коснулась чрезъ Баварію: такова есть Пруссія, которая будучи неизвинительна и ближе къ опасности, вдругъ перешла послѣ одного вѣка своего блаженства и славы, въ степень сихъ Монархій, воздвигнутыхъ для фамиліи завоевателя.

Бонапарте требуетъ нынѣ Имперію Карла великаго, какъ сей нѣкогда требовалъ наслѣдство Константина; но когда сынъ Пепина, внукъ Карла Мартеля, потомокъ двадцати палатныхъ Меровъ соединенныхъ съ дѣтьми Кловиса возлагалъ на себя въ Римѣ корону западнаго Императора, тогда все, что не было покорено его законамъ, не имѣло для сопротивленія никакого политическаго существованія. — Карлъ великой не захватывалъ въ глазахъ Европы пополовину ея населенія, онъ ею управлялъ всею; надъ однѣми пустынями онъ гнушался царствовать; и народы позади Вистулы, также и жители Великобританіи не были тогда сильными государствами, способными колебать его намѣренія.

Ново-составленная сія власть при всемъ томъ, что есть недозрѣлый плодъ чрезмѣрной дерзости, не меньше того при самомъ своемъ началѣ, лишена положеній потребныхъ къ обезпеченію ея продолженія. Точная соразмѣрность частей, составляю-

щихъ цѣлое рождаетъ силы, а не чрезмѣрная ихъ великость. Гукъ-Капетъ, царствуя только надъ одною Франціею, основалъ Династію тридцати трехъ Королей; Карлъ Великой, обѣявъ весьма обширной планъ, составилъ такое могущество, которое не перешло его внуку. Такъ какъ всѣ западные троны назначены братьямъ, зятьямъ и усыновленнымъ дѣтямъ Бонапартія, то не справедливо защищать ихъ нераздѣльность. Людвигъ четырнадцатый составилъ также фамильные планы, но онъ обладалъ другой силой нежели сей, ибо онъ имѣлъ такую власть, что ни одинъ человѣкъ не могъ противиться, и однако-жь онъ думалъ нѣкогда лишить трона своего внука. Пусть Европа осмѣлится измѣрять возвышающейся памятникъ; Франція заключающаяся въ своихъ натуральныхъ границахъ, и управляемая честолюбцомъ способнымъ остановиться, представляла можетъ быть дѣйствительнѣйшую опасность. Человѣкъ, которой въ шесть лѣтъ изъ достоинства перваго чиновника республики, вступилъ въ роль производителя Государей, востановителя западной власти, далъ о себѣ довольное понятіе. Вавилонская башня возобновляется, правда что работники ее строющіе суть Короли, но Архитекторъ, которой ими управляетъ, скоро перестанетъ ихъ понимать. По чудесной быстротѣ, съ коею произшествія умножаются, можно предвидѣть что смѣшеніе языковъ произойдетъ скорѣй, нежели какъ думаютъ, въ

семъ политическомъ зданіи; и теперь только о принятіи мѣръ онымъ возпользоваться должны думать державы, не желающія также строить химеры и трудиться возстановленіемъ развалинъ.

Да не воображаютъ сего, чтобы Бонапарте удовлетворяя свое честолюбіе соединеніемъ десяти Государствъ, умножалъ столько же и свое могущество: онъ замещаетъ ступени своего трона коронованными головами, простираетъ гордость до послѣдней степени, куда только можетъ достичь завоеватель; но онъ перестаетъ разсуждать какъ Государственной человѣкъ. Когда онъ беретъ во владѣніе земли имъ ограбленныя, то походитъ на басеннаго человѣка, которой убиваетъ курицу несущую ему золотыя яица, на примѣръ: соединяя свою политику съ Испанской, онъ теряетъ въ разсужденіи оной тираническія, но полезнѣйшія для себя права; права разорять ее безъ всякаго сострадания къ бѣдности; что ему была за нужда до сего разорять Голландію, обремѣнять налогами Италію, изнурять податьми все то, что его окружаетъ. Старался ли онъ поправить причиняемое имъ зло, или долженъ былъ заниматься ослабленіемъ сихъ земель платящихъ ему дань? Соединяя ихъ еще теснѣй съ Франціей и отдавая своимъ родственникамъ, онъ располагался не имѣть никакого вниманія къ управленію сихъ Администраторовъ, принимающихъ Королевскія тишла, и осуждаетъ себя на прекра-

щеніе алчныхъ правъ на наслѣдство своей фамиліи. Какъ онъ самъ любитъ пышность, то потребуетъ ее отъ всѣхъ троновъ, которые отъ его будутъ зависѣть; ревнуя къ титлу Короля Королей, котораго его скромность потребуетъ; онъ захочетъ чтобы величайшій блескъ царствовалъ при дворахъ всѣхъ Государей подвласныхъ его двору. По сему правилу каждой владѣтель сихъ маленькихъ областей, обремененный тяжестію коронованной главы и изтощенный содержаніемъ блеска, долженствующаго при немъ быть, не будетъ болѣе имѣть другихъ податей для принесенія ему, кромѣ почести, дабы заплатить за его сильную гарантію. Калифъ сей новой религіи, конечно будетъ наслаждаться сею Азіатскою пышностію; но какъ пышность его двора будетъ умножаться пропивъ дворовъ великихъ его вассаловъ, то его легковѣрные подданные тщетно будутъ стараться оную поддержать. Франція переспавъ грабить своихъ сосѣдей, будетъ принуждена изнурять себя болѣе, и сей наружной видъ благоденствія произведетъ необходимой безпорядокъ и нужду къ завоеванію, къ коимъ сосѣднія державы должны скоро приготовиться.

Федеративная Имперія съ своими чрезмѣрными границами теряетъ сію связь и цѣлость, кои придавали столько силы Франціи; пренебрегая свои границы и искусствомъ и природою столь укрѣпленныя, Бонапарте пріобретаетъ болѣе областей,

болѣе и обязанности къ ихъ покровительству, но не пріобретаетъ ни одного вѣрнаго солдата, на коего бы онъ могъ болѣе положиться. Ему не неизвѣстно, что газеты и префекты всѣхъ земель завоеванныхъ или присоединенныхъ ему ошибчаютъ за повиновеніе и даже за любовь народа имъ покореннаго; но его совѣсть не допускаетъ его быть такъ легковѣрнымъ какъ Парижане, которымъ онъ оставляетъ всѣ сіи знаки принужденнаго обожанія. Для занятія и сбереженія Неаполя, для удержанія вѣрныхъ подданныхъ Италіянскаго Королевства, и для принужденія Голландіи къ признанію, что не умѣетъ болѣе собою управлять, ему надобны Французскія войска. Чтобы обмануть Гишпанію, и привесть Германію къ тому, дабы она превращеніе свое въ Федеративную Имперію почла за благополучіе, ему также потребны Французскія войска.

Франція въ полномъ мирѣ будетъ всегда на военной ногѣ. Она напомнитъ Италіи о временахъ Римлянъ, изнощенныхъ составленіемъ Легіоновъ для наложенія оковъ на всю вселенную; окруженная въ корняхъ своего населенія, растроенная въ системѣ своихъ доходовъ, она падетъ подъ тяжестію честолюбія, которое пожретъ ея земельныя положенія, и опустошитъ ея поля; и когда Европа, пробужденная чрезмѣрностію золъ и несправедливостей, къ нуждѣ потребовать назадъ своей независимости, вооружится снова, то конечно

Франція примѣтитъ очень поздно до какой степени неосновательная политика, представляющая ей десять областей, для защищенія во время войны и для сохраненія во время мира.

Соединивъ многія области подъ одинъ законъ Бонапарте долго не можетъ достичь до совершеннаго соединенія сихъ народовъ съ Французскимъ; единое время истребляетъ различіе обычаевъ, вкуса и языковъ, на чемъ основывается народное отвращеніе; что внушается или повелѣвается силою и щастіемъ, то зависитъ только отъ принужденія и успѣховъ. Баварцы избавясь отъ Австрійской политики могли чувствовать съ минуту радость въ обѣятіи Французовъ; но всякой честной человѣкъ въ Баваріи, долженъ былъ стонать, видя своего Государя поставленнаго въ рангѣ Королей Парижской федераціи. Испанцы могутъ гнушься подъ игомъ необходимости, но они всегда суть потомки сихъ гордыхъ Аррагонцевъ, сихъ мстительныхъ Кастиліянцовъ, которые никогда не переносили своихъ желаній и сердецъ за Пириней. Италія въ надеждѣ составитъ себѣ страшную силу, можетъ предаться всему, что только будетъ тому споспѣшествовать; но ей не меньше того извѣстно, что въ теченіе десяти вѣковъ, она была по перемѣнно то жертва, то гробъ Французовъ. И такъ Франція всегда отдѣленная въ нѣдрѣ сей федеративной Имперіи, которая уступаетъ на минуту ея щастію, содержитъ въ себѣ

дѣйствительныя опасности, наслаждаясь въ особѣ ею управляющей химерическимъ распространеніемъ.

Къ симъ разсужденіямъ не обходимо нужно прибавить, что военная система столь обширная, можетъ, да и должна произвести затрудненія въ доходахъ. Всѣ Государства, взятыя Франціею подъ свою защиту, въ теченіе десяти лѣтъ угнетены ея войсками. Какъ она не могла опгадать въ продолженіе революціональной ея войны съ Европой, что она сражалась съ Монархіями только для того, дабы дать имъ Королей, а съ республиками — чтобы дать имъ Королей, то она опустошила сіи самыя земли, съ которыми соединялась, относительно пріобретенія богатствъ, Франція худую имѣетъ выгоду, ибо она принимаетъ къ себѣ въ общество народы болѣе себя разоренные. Уже не къ Штатгалтерской Голландіи она прилепляется, но къ Голландіи лишенной мыса Доброй Надежды, и эскадръ для спасенія Батавіи и Американскихъ своихъ коллоній. Не той Испаніи, что была во времена Филиппа V, она подавляетъ морскую силу, но ослабевающей Монархіи, которая довершаетъ пожертвованіе всѣхъ своихъ кораблей, ея политикѣ. И не съ той уже Италіею, которую свободная торговля, и удаленіе войны въ продолженіе сорока лѣтъ учинили цвѣтущей, онъ соединяется, но совокупленіе десяти народовъ другъ друга ненавидящихъ, и которыхъ ея солдаты давно уже разори-

ли; въ Германіи, на Сѣверѣ, Югѣ, и вездѣ, гдѣ Бонапарте пріобретаетъ могущевство, Франція входитъ, чрезъ мирную обязанность, покровительствовать, защищать и сѣять не собирая жатвы. Рѣчи и почести удобно достигаютъ подножія трона; но золото задержанное въ тысячи рукахъ, которыя должно подкупать и развращать, погибаетъ въ роскоши двадцати малыхъ дворовъ.

Сундуки сихъ частныхъ особъ, сдѣлавшихся Государями, будутъ наполняться ежедневно; между тѣмъ какъ Государственная казна опустѣетъ, и сыны отечества принужденные идти въ отдаленныя страны, неоднократно орошать своею кровью или слезами землю сей федеративной Имперіи, которая, принадлежа ихъ властителю, для нихъ будетъ чужда.

Бонапарте не положится никогда на Государей его покровительствомъ унижаемыхъ; никогда онъ не осмѣлится воевать въ ихъ областяхъ не призвавъ туда своихъ собственныхъ солдатъ; едва ли онъ осмѣлится занимать Голландію Итальянцами, а Италію Нѣмцами; онъ будетъ спокоенъ только тамъ, гдѣ будутъ Французскіе солдаты.... Преторская гвардія учреждена, она не располагаетъ еще тономъ; но ей платятъ и смотрятъ уже на нее какъ на единую свою подпору; ея начальники получаютъ провинціи, Офицеры богатыя добычи, а солдаты право требовать все, и федеративная Имперія съ самаго своего нача-

ла сдѣлавшаяся уже тѣмъ, чѣмъ Румская Имперія была при началѣ своего паденія, ничто иное есть, какъ собраніе двадцати пяти милліоновъ жертвъ, принесенныхъ щастію нѣсколькихъ легіоновъ солдатъ.

Наконецъ остается только два средства для Государствъ, коимъ сіе сочиненіе обращается, ибо сіе состояніе безъ дѣйствія, въ которомъ политика съ минуту кажется погружена не есть решительность; надобно заключить миръ или воевать, должно Европейцамъ составить и произвесть въ дѣйствіе сопротивленіе способное остановить зло, которое, ежели сдѣлаетъ хотя одинъ шагъ въ передъ, то уже не будетъ имѣть средствъ къ поправленію.

Четыре храбрыя и воинственныя державы, укрѣпленныя природою или разстояніемъ, и трудныя къ атакѣ, имѣютъ общее участіе спасти независимость морей сѣверной Европы, а два изъ нихъ правильнѣйшее участіе спасти независимость Юга.

Англія, для свободнаго мореплаванія въ Балтійскомъ и Средиземномъ морѣ, которое оживляетъ ея богатства, имѣетъ нужду спорить съ Федеративною Имперіею о Зундѣ и Мессинскомъ заливѣ.

Россія для отпуску хлѣба, пеньки, строеваго лѣсу, и для поддержанія своей торговли, также дабы не допустить блокировать своей морской силы въ Финскомъ заливѣ и въ Черномъ морѣ, имѣетъ равномѣрную нужду противиться намѣреніямъ

Бонапартія въ Сѣверной Германіи и въ Италіи.

Угрожаемая Данія видя изторгнутые у себя ключи Балтійскаго моря, которые придаютъ столько важности къ ея дружественному союзу, имѣетъ необходимость присоединиться къ системѣ, коей знатная ея морская сила можетъ придать великую цѣну.

Швеція, которая даже безъ благороднаго и твердаго характера молодаго своего Государя, почувствовала бы съ національною гордостію ей свойственною обиду ее угрожаемую, болѣе нежели когда нибудь имѣетъ нужду держаться союза, коему она столь хорошо умѣла дать примѣръ.

Гласъ всеобщаго спасенія повелѣваетъ политикѣ уничтожить всѣ препятствія, могущія быть противны единому приличному плану, которой она долженствуетъ принять и выполнить; да будутъ удалены отъ нее въ подобныхъ обстоятельствахъ всѣ сіи неосновательныя разсужденія, кои въ обыкновеныя времена останавливаютъ способныхъ негоціаторовъ. Пламя распространяется, въ набатъ бьютъ, и когда корабль отъ бури разбивается, то малые раздоры плавателей должны изчезнуть предъ истинною опасностію.

Не назначая мѣста, въ которомъ надобно начать войну съ Франціею, надлежитъ приступить къ разбирательству пожирающей политикѣ ея главы. Пусть сражаются или нѣтъ, ломаютъ сабли или

нѣтъ, но надобно вооружиться, соединиться, и согласиться.

Бонапарте одинъ разъ увѣренный, что Система сопротивленія существуетъ, что она совокупляется, получаетъ ходъ, и что наипаче клонится къ одной цѣли, остановится на сей мысли. Не онъ виновенъ теперь за сей безпорядокъ царствующій въ половинѣ Европы, но тѣ, кои его до сего допустили, при первомъ знакѣ соглашенія между державами имъ устрашаемыми, увидятъ что онъ размышляетъ и успокоевается. Ето только отъ заблужденія, есть-ли думаютъ что потребно пять сотъ тысячь человѣкъ для удерживанія честолюбія столь наглаго; надобенъ одинъ характеръ, неусыпность, а паче политическая система, коей благоразуміе и простота обезпечили бы прочность.

Доколѣ Бонапарте будетъ имѣть противъ себя соединенную Англію съ Россіею, онъ не будетъ никогда знать какія истинныя силы будутъ противъ него сражаться. Его злоба противъ сего Албіона, которой одинъ нынѣ помрачаетъ его ларвы, рождается отъ нѣкотораго безпокойства, тѣмъ болѣе его тревожащаго, что могущество сего острова для него еще есть тайна. Его досада противъ Россіи производитъ тоже чувствованіе, потому что ему неизвѣстны средства скрывающіяся въ ея неизмѣримости. Ежели онъ до сего отгадывалъ все, что ему надлежало устрашать, покорить и побѣдить, то Вѣна и Берлинъ

по близости своей не могли остаться загадками для него; но за сею цепью ескадръ, покрывающихъ обѣ половины земнаго шара; за сіи границы Галліціи, къ которымъ онъ приближался, онъ не видитъ всего какими богатствами торговля можетъ снабжать Англію, также и того что можетъ въ Россіи Государь, которой имѣетъ право ожидать отъ приверженности своего народа всякаго повиновенія.

Однѣ только Морскія державы могутъ оспоривать у Бонапарте Диктаторство Европы, имъ на себя принимаемое, ибо только тамъ гдѣ корабли пристаютъ возможно его достичь. Федеративная цепь имъ составленная, покрываетъ всѣ его границы; но сто пятдесятъ миль береговъ, которые его морская сила не можетъ защищать остаются обнаженными, соединенная Европа можетъ его окружить своими ескадрами и угрожать тысачью средствами, такъ что его войска не будутъ умѣть защищаться.

Какъ Англія не довольно имѣетъ солдатъ, Россія кораблей, Швеція и Данія золота, то совершеннымъ симъ соединеніемъ всѣхъ сихъ державъ, можно произвесть способную силу для сопротивленія ему. Пусть Англійскіе, Датскіе, Шведскіе и Россійскіе флоты возятъ свои войска по стихіи не внемлющей его честолюбію, и противурѣчащей его щастію, пусть Турція присоединитъ къ онымъ нѣсколько изъ сихъ прекрасныхъ кораблей, отъ ко-

торыхъ могли бы извлечь столь великую выгоду, ежели бы другіе, а не Турки ими управляли, и тогда Аустерлицкой побѣдитель узнаетъ, что гордость весьма удалена отъ истиннаго величества, а Европа увѣрится, что хорошая морская система можетъ еще поправить бѣдствія, произведенныя войною 1805 года.

Не о нападеніи на Францію должно думать (другія времена сообщатъ другія мысли); а всѣ политическіе планы надобно устремлять къ отвращенію отъ федеративной системы областей, не согласившихся еще принять въ томъ участія. Оборонительная война нѣкоторыми важными средствами отъ благоразумія кабинетовъ зависящими, можетъ еще спасти полуденную Италію, морская война сопряженная съ обширнымъ планомъ, можетъ, да и должна спасти великія Государства, коимъ миръ угрожаетъ въ сію минуту.

Какъ миръ! уничтоженіе всѣхъ непріятельскихъ дѣйствій навлечетъ новыя нещастія? Такъ, единственно послѣ подписанія сего мира, Европа подверглась игу. Называютъ игомъ для Государствъ привыкшихъ нѣкогда давать законы и никогда не принимать ихъ, лишеніе всего политическаго вліянія; принужденное оставленіе своихъ вѣрныхъ союзниковъ, нещастіе и униженіе своихъ друзей; называютъ игомъ для державы первой степени, необходимость остаться второстепенною и осудить себя на пожертвованіе своего молча-

нія всему тому, на что несправедливость и честолюбіе можетъ покуситься.

Единая причина только можетъ отклонять войну, то есть, страхъ, дабы не понести новыхъ уроновъ, и не приготовится къ новымъ пожертвованіямъ, и сей страхъ по заключеніи мира обратится въ извѣстность. Пусть Европа кончитъ свое сопротивленіе, тогда похищеніе, присоединеніе, и завоеваніе, горестный плодъ неудачныхъ кампаній, снова начнутся въ недрѣ мира. Дабы въ семъ удостовѣриться, то пусть приведутъ себѣ на память прошедшее, и взглянутъ на настоящее, пусть спросятъ будущее и послушаютъ, что станетъ говорить Бонапарте самъ себѣ.

„Я взошелъ на первой тронъ въ свѣ-
„тѣ, повергъ къ подножію сего трона
„двадцать Государей, которыхъ я возвы-
„шаю только для того, дабы посадить се-
„бя выше всѣхъ, и между тѣмъ я сдѣлалъ
„столько успѣховъ, что не могу на семъ
„остановиться. Ежели Европа, извѣстясь
„чрезъ сію чрезмѣрную гордость, и дер-
„зость, соединится, то я могу еще под-
„вергнутся опасности; но ежели мнѣ
„удастся ее обмануть, усыпить только
„на два года, то я надѣюсь придти въ со-
„стояніе презирать ее пробужденіе. Пред-
„ложимъ ей миръ за какую бъ то цѣну ни
„было, разставимъ сѣти всѣмъ кабинетамъ,
„и дадимъ журналистамъ большой поводъ
„къ торжествованію моего милосердія.

„Миръ заключаетъ два смысла, которые „только я, и мои Министры умѣемъ пони„мать, и отдѣлять: для моихъ непріяте„лей оный есть совершенное уничтоженіе „всѣхъ переговоровъ, а для меня дѣйстви„тельнѣйшее удвоеніе моихъ требованій, „и исполненіе моихъ желаній. Я возвысилъ „мое щастіе войною, теперь имѣю нужду „утвердить его миромъ. Ежели я произ„веду войну, то медленнѣе буду успѣвать „въ моихъ намѣреніяхъ, будутъ оспоривать „мои завоеванія; заставятъ покупать мои „успѣхи, а ежели заключю миръ, не отва„живаясь на участь баталій, то изъ нѣ„дра моего кабинета я присоединю цѣлыя „провинціи къ моимъ областямъ.

„Для обольщенія моего народа я соберу „предъ его взоры все то, что долженству„етъ образовать мою власть; то чѣмъ я „уже обладаю, отдамъ на сохраненіе пер„вымъ моимъ подданнымъ, съ мечтатель„нымъ титуломъ Государей; а на то, чего „еще не получилъ, буду взирать съ алчно„стію, и себѣ сохраню выдуманными мною „усыновленіями средство того достиг„нуть..... Поелику я имѣю нужду въ „оберегателяхъ, и не могу себя ввѣрить „народамъ, которыхъ я украшаю моимъ „возвышеніемъ и подавляю податьми, то я „преобразую сихъ помѣщиковъ, сихъ над„менныхъ Бароновъ, коихъ въ продолженіе „десяти лѣтъ я старался разрушить, и „*введу* изъ философіи осмьнадцатаго вѣка, „вѣкъ Феодальной. Какъ не могу полагать-

„ся ни на чье дружество, то буду ласкать „честолюбіе всѣхъ, я буду раздѣлять для „сбереженія, буду отдавать изъ любви къ „обладанію, буду расточать изъ скупости. „Какъ моя Имперія чрезмѣрнымъ моимъ че„столюбіемъ выходитъ уже изъ мѣры, въ „которой бы я могъ надѣяться ею упра„влять, то я помѣщу подъ различными „титлами во всѣхъ ея краяхъ военные ка„раулы, для удержанія моихъ подданныхъ, „которые, едва почувствуютъ свои раны, „какъ сдѣлаются мнѣ истинными непрія„телями.

„Я хочу заключить миръ съ Государ„ствами не столь еще много обманутыми, „чтобы они допустили меня покорить „тѣхъ, коихъ уже обманываю. Пусть Ан„глія, чрезъ меня новое министерство из„пытавшая, остается во владѣніи всѣхъ „своихъ Коллоній, уступимъ ей Мальту еже„ли надобно, и сію власть морей войною „ей наиболѣе предоставленную. Пусть „Россія покровительствуетъ нѣсколько „лѣтъ Турціи, я согласенъ оставить Зундъ „открытымъ для Сѣверныхъ Державъ, Ги„бралтарской проливъ для Англійскихъ, Дар„данелы Россійскихъ кораблей; моя фами„лія не сидитъ еще на всѣхъ тронахъ, ко„торые ей я назначилъ, мнѣ надобно по„крайней мѣрѣ два года тишины для поко„ренія земель, теперь уже мною управляе„мыхъ. Что мнѣ доставила война щастли„вѣйшая и блистательнѣйшая какую толь„ко я когда имѣлъ? право замышлять Ги-

„гантскіе планы, которые мирЪ позволитЪ „мнѣ произвести вЪ дѣйствіе.

„Мнѣ нечего бояться великихЪ Евро„пейскихЪ армій; я поставилЪ между со„бою и единою, которой я могу страшить„ся, два пространныя Государства, поко„ренныя моею политикою и щастіемЪ; „мнѣ остается только удалить флоты „моихЪ непріятелей, я могу ихЪ побѣдить „однимЪ лишь миромЪ.

„МиромЪ я завладѣю всей Италіею, ибо „уступая мнѣ Неаполь, дабы я отказался „отЪ Сициліи, мнѣ обезпечатЪ только „тѣмЪ удобность кЪ завоеванію оной. Ми„ромЪ я далЪ Штатгалтера или Короля „Голландіи, КурфирстовЪ Германіи, Швей„царіи Государя изЪ моей фамиліи.

„ЧрезЪ мирЪ я воспользуюсь моею вла„стію вЪ Мадритѣ, для завоеванія Порту„галіи, и потомЪ употреблю силы и поло„женіе дома БурбоновЪ.

„Едва только Федеративная властЬ „достанется вся вЪ мои руки, какЪ я сЪ „отважностію обращу мои взоры вЪ Индію, „и наконецЪ начну единое мечтаніе, до„стойное такого честолюбія, какЪ мое.

„Я потерялЪ войной морскую силу, „Французскою республикою мнѣ ввѣрен„ную, но миромЪ я ее оживлю. ОтЪ Эмде„на до Рагузы, я имѣю по берегамЪ Гол„ландіи, Фландріи, Франціи, Испаніи, Ита„ліи и Долмаціи пятьдесятЪ верфей, на „которыхЪ я могу каждой годЪ выстрои„вать сто кораблей, пустЬ Англія дастЬ

„мнѣ два или три года отдохнуть, и двад-
„цать ескадръ выдутъ вдругъ изъ моихъ
„гаваней; правда я истреблю оставшіеся
„лѣса, но торговля подоспѣетъ мнѣ на
„помощь. Купцы, сіи мнимые Граждане
„свѣта, которые никогда не принадлежатъ
„своей землѣ, ничего не видя кромѣ минут-
„ной выгоды, мнѣ продадутъ всѣ средства
„для поспѣшнаго изсушенія всѣхъ источни-
„ковъ ихъ богатствъ. На слезы полуден-
„ныхъ народовъ, я буду мѣнять желѣзо у
„сѣверныхъ; съ симъ желѣзомъ я пойду
„искать золота, котораго у меня не до-
„стаетъ, и наконецъ я промѣняю всѣ Ев-
„ропейскія богатства на сокровище обѣихъ
„Индій.

„Владѣя уже нынѣ Далмаціею, во вре-
„мя мира я завладѣю Греціей, которую
„Россія имѣетъ теперь столько выгодъ у
„меня оспоривать. Удерживаясь присут-
„ствіемъ ея ескадръ въ Средиземномъ мо-
„рѣ я воспользуюсь возвращеніемъ оныхъ
„въ гавани и займу Морею. Сдѣлавшись
„владѣтелемъ Албаніи, покровителемъ Али-
„Паши и всѣхъ бунтовщиковъ Оттоман-
„ской Имперіи, я завоюю республику Семи
„Острововъ, и восприму снова дорогу въ Еги-
„петъ, которая мнѣ откроетъ чрезъ Крас-
„ное море путь въ Бамбай, и на сей важ-
„ной полу-островъ, на коемъ я искореню
„щастіе и власть Англичанъ.

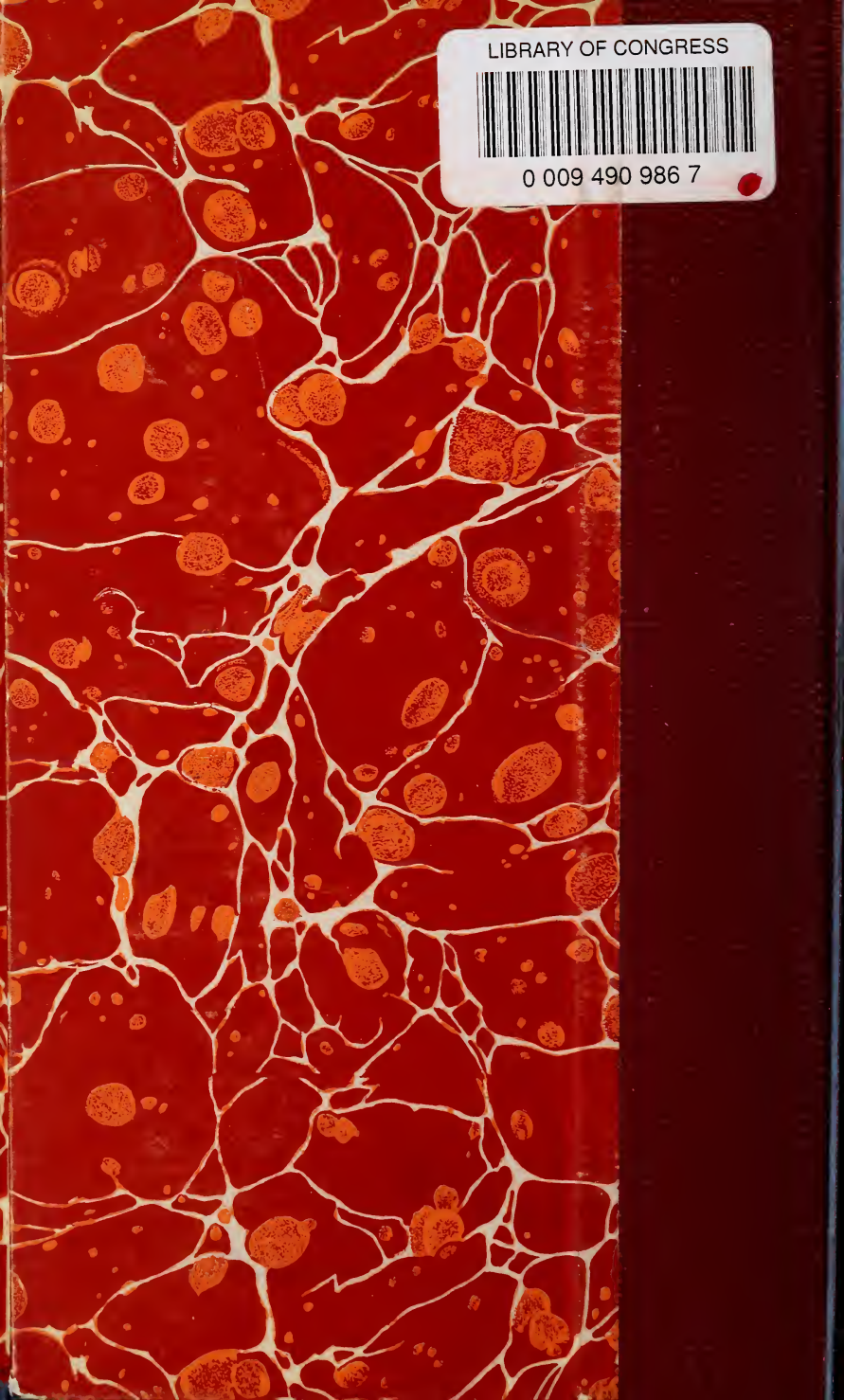
„Наконецъ ежели мои корабли дости-
„гнутъ нѣкогда Бенгала, куда я также мо-
„гу проникнуть чрезъ Сирію и Персію;

„ежели мои полководцы могутъ поступать „нѣкогда съ побѣдителями Мизорскаго цар- „ства, какъ сіи поступали съ Тибо-Саи- „бомъ, то Европа будетъ въ оковахъ, ибо „у ней не будетъ золота, а я буду имѣть „милионъ солдатъ. Англія лишится торго- „вли, ея морская сила уничтожится, и „лишь только скипетръ морей будетъ въ „моихъ рукахъ, какъ мои ескадры пойдутъ „осудить Балтійское и Черное море быть „безполезными заливами; и Россія дѣйстви- „тельно предшествующая моему Генію, за „то что очень рано уступила моему ща- „стію, оставитъ меня спокойнымъ обла- „дателемъ сей Европы, которую теперь „только она одна имѣетъ могущество у „меня оспоривать.“ —

Конецъ.

JAN -0 1943

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: MAY 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


LIBRARY OF CONGRESS
0 009 490 986 7